

АЛЕКСАНДР ЛЕОНТЬЕВ

Клоун Солнца

повесть

ПРОЛОГ

Летит, летит паутина, опутывая все серебристыми нитями, деревья стоят, как замороженные. Медленно, величаво течет река, струится, рябит на плесах, бежит к морю.

Вдоль реки бежит мальчик, лесная тропинка мелькает между высокими кленами, раз, раз — накатывает с шумом кровь к сердцу, раз, раз — вздымается пыль под ногами.

На дальнем берегу под багряно-желтыми кронами сидит на корточках рыбак, привстает, чтобы проверить, хорошо ли натянута леска, шурится, закрываясь ладонью от солнца.

Янтарные тени деревьев тихо плещутся в реке, наклонились чуть ивы, кое-где вспорхнет птица, или вдруг пролетит бабочка. Синева неба ясная, спокойная, с дальнего берега ветер доносит из садов запах пахоты и напоённых солнцем плодов.

Лесная тропинка мелькает между деревьями, мелькает перед глазами...

Раз, раз — стучат ноги о прохладную пыль, горят босые ступни, раз, раз — перепрыгивает мальчик ветки и сухой валежник...

Вот он остановился, и, отдышавшись, присел на поваленный бурей ствол акации.

На мелководье, у самого берега, он заметил уток-нырков, уточку и селезня, и рядом с ними целый выводок утят, которые отщипывали кусочки

водорослей с длинных стеблей травы, иногда они вдруг взлетали, пробуя силу крыльев, проносились несколько метров над рекой и с радостным плеском приводнялись; вот скользнул между камышами уж, охотясь за лягушками, которых там была тьма-тьмушая, бугристых, большелапых, буро-зеленых, пучеглазых, — показалась над водой его острая голова с желтыми точками на затылке, и, извиваясь долгим телом, он стремительно поплыл дальше, распугивая утят.

Вот подул с реки ветер, зашелестел с сухим треском камыш, и пахнуло осенью, а мальчик все смотрел, как мальки ходят стайками у корней в прозрачной воде.

Вдалеке, на самой середине реки, всплеснул сом, в глубине леса слышалось гулкое кукование, кукушка куковала долго, очень долго — несколько раз мальчик сбивался со счета...

А тем временем мама-утка, выйдя на берег, чистила перышки малышу, а папа-селезень кружился в воде, зорко высматривая камышового кота, которые еще водились в плавнях.

Рыбак наконец поймал крупную рыбу и, довольный уловом, бросил ее в садок.

На цветах кашки, важный шмель деловито зарывался в пыльцу, и так ласково пригревало августовское солнце, и так мирно бархатисто гудели пчелы, что мальчик заулыбался.

— Тим!

Неожиданно раздалось из тишины и сумрака леса.

Мальчик обернулся и долго всматривался в смутные тени между деревьями.

— Вот ты где?

Появилась из-за кустов девочка-подросток.

Выгоревшие волосы у нее ерошил ветер.

— Вера?

Удивился он, и поднялся, отряхнув шорты.

— Все ужинать собираются, а тебя все нет.

— А-а, ну идем... — бросил он, скользнув по ней взглядом, и побрел через кустарник к лагерю.

Девочка задумчиво смотрела ему вслед.

«Странно, почему я так неловко себя чувствую, когда говорю с ним, и ещё все время думаю о нем, думаю постоянно».

Девочка смутилась, ей очень хотелось поделиться с кем-то своими переживаниями, но она боялась, что над ней подсмеются.

Смахнув с лица серебристую паутину, она встряхнула короткими кудрями и решительно зашагала к стоянке.

Двухместные и четырехместные палатки стояли полукругом на поляне между кленами, под обрывом на легкой зыби покачивалась моторная лодка, байдарки лежали поодаль.

Солнце закатывалось за холмы, которые розовели на горизонте, неожиданно последний луч погас, смолк птичий щебет, и ночь опустилась на землю.

Ребята натаскали хворост, разожгли костры, и разогревали жаркое в походных котелках.

Тим подсел к костру, и тренер насыпал ему в жестяную походную миску половник жаркого, которое отдавало пряным дымком.

Переход был долгий, все проголодались и ели с удовольствием.

Угли рассыпались, с тихим шорохом, потрескивали сучья и ветки.

Тим смотрел сквозь огонь на струящееся расплавленное олово реки, заметил Веру, и подумал: «Интересно, что с ней?»

Но вскоре мысли его потекли в другом направлении: он вспомнил дом, и что скоро в школу...

На рассвете река сверкала, и приходилось жмуриться, когда они на байдарках пересекали фарватер.

Весь день они шли против течения, тренер всячески подбадривал их, а иногда, обогнав группу на моторке, шел впереди на малом ходу, чтобы они могли отдохнуть, пристроившись в отработке.

Когда солнце, перевалив экватор, зависло огненным красным шаром над противоположным лесистым берегом, они совсем выбились из сил, — и тогда вдаль показался белый город, сияя куполами Воскресенского собора.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Только под вечер Тим оказался у своего дома; во дворе между высотками с визгом носилась малышня.

Неожиданно из-под детской горки выбежала, виляя хвостом, клокастая, стареющая собака Фимка, у которой слезились глаза и пожелтели зубы, но которая каждый год исправно одаривала мир потомством, — вот и сейчас за ней выкатилось несколько пушистых щенков; Тим часто их подкармливал, и поэтому ни Фимка, ни щенки его совсем не боялись. Хотя, наверное, Фимка привечала его не только за кормежку, но и по старой дружбе, помня еще то время, когда они вместе возились в горке. Тогда ему было лет восемь, а Фимке в три раза меньше.

С радостным урчанием Фимка бросилась ему в ноги, он зажал ее умную морду между колен, потрепал бугристый загривок за ушами, и она от удовольствия мелко-мелко завиляла хвостом.

— Чего ты ее постоянно чешешь? У нее ж вон, какой лишай на спине!
— заметил, подходя, дядя Егор, охранник с автомобильной стоянки, которого немного задевало, что к мальчику собака всегда бросалась с такой радостью.

— Это не лишай, а подпалины, — отозвался Тим, улыбаясь.

— Да-а, — протянул дядя Егор, — запаршивела, а когда-то была масть, даром что ли за ней до сих пор женихи гоняются, вон опять приплод принесла, — примирительно сказал он, вытирая затылок платком.

— Напомни матери, что пора платить за стоянку, — добавил он.

— Ладно, скажу.

Тим поднялся, оттолкнув Фимку, которая провожала его до самого дома, путаясь под ногами и преданно заглядывая в глаза.

Дом их был единственной частной постройкой среди многоэтажек, окружавших его, подковой.

Дом был необычный: цоколь был выложен из белого пильного камня, а стены первого и второго этажа — из красного кирпича, мансарда была выполнена по проекту отца, а плоская крыша с загнутыми краями напоминала китайскую пагоду.

Первый деревянный дом построил здесь еще прадед Тима; в зале висела на стене его фотография, на которой он был в форме железнодорожника: худощавый, прямой, с открытым лицом и ясным взглядом чуть изумленных глаз.

Он помнил, как отец сказал однажды: «Хорошо было бы жить тогда и рисовать такие красивые лица».

Да, их дом всегда выделялся среди прочих, которые хозяева продали без сожалений, — а они свой отстояли.

Хотя, чего только не предпринимала строительная компания, чтобы завладеть им: и сваливала мусор у ворот, и перекрывала воду, и кипятила смолу так, что дым залетал в окна, но не тут-то было: бабушка, которая последние годы тихо грустила на пенсии, вдруг развила такую бурную деятельность, что им даже дали разрешение в мэрии на еще один водоотвод.

Дом возвышался над рекой, с тыльной стороны к реке сбегал крутой склон, поросший кустарником, а из окон мансарды летом были видны желтые отмели, на которые набегала пенистая волна.

Зимой, когда река замерзала, на ней колко искрился зеленоватый, как медь, лед. Вдаль тянулся парк, усаженный липами, каштанами, голубыми елями и тополями, а на горизонте виднелся речной порт.

Двор был огорожен высоким забором, с кирпичными фигурными столбами, украшенными барельефами; его укрывали раскидистые кроны фруктовых деревьев.

За последние годы сад так разросся, что ветви деревьев свисали через забор, и соседская ребятня с удовольствием лакомила яблоками и сливами.

Тим заметил, что пока он отсутствовал, сливы уже осыпались, а ветви яблонь упруго клонились к земле, отягощенные сочными, сладкими плодами.

— А-а, — вернулся!

Вдруг раздалось у него за спиной, и лязгнула железная калитка.

У входа стояла бабушка.

— Смотри, загорел как, а! Ну, чего улыбаешься, лучше бы помог бы...

Бабушка передала ему сумки, достала из ящика матерчатые перчатки, совок, и стала окучивать георгины, которые росли вдоль дорожки.

Шагая по хрустящему гравию, Тим подумал, что бабушка совсем не похожа на маму.

Бросив сумки с продуктами в зале, он поднялся к себе в спальню, скинул рюкзак и хотел завалиться на кровать, неожиданно внимание его привлекла незнакомая девочка, которая стояла на балконе соседней десятиэтажки.

В этот момент к подъезду с шумом и треском подъехал фургон с мебелью, сдал назад, и выворотил бордюр; из «Вольво», которое сопровождало фургон, хлопнув дверцей, выскочила женщина, в желтом сарафане, и накинулась на водителя:

— У тебя что повылазило! Боже, куда мы попали! — воскликнула она, озираясь по сторонам.

— Тоже мне царица-кикимора, — подумал Тим.

Девочка, помахав рукой, крикнула с балкона: «Мама!»

Ей пришлось встать на цыпочки, чтобы опереться о перила высокой лоджии, а потом она развернулась, и шагнула в сторону Тима, как балерина.

— Артистка, — усмехнулся он, открыл больше окно, и вдруг до него донеслось пение.

Девочка пела английскую балладу. Голос ее отражался от высоких стен, как в театре, где сводом служило небо.

Она увлеклась пением и не замечала, что за ней наблюдают.

Улыбка не сходила с её лица, а Тим почувствовал, что вот сейчас она уйдет, и волшебство кончится.

Продолжая петь, девочка вдруг подняла взгляд, заметила Тима, резко оборвала пение, фыркнула, и вышла с балкона, хлопнув дверью.

Именно тогда он заметил у подъезда этой же высотки Веру.

— Выйди, дело есть! — позвала она.

С Верой они учились вместе с первого класса еще на микрорайоне, а потом в один год перевелись в новую школу; иногда ему казалось, что Вера всегда была рядом.

Конопушки весело прыгали у нее на лице, когда она строила рожицы, и хотя на вид, она была такая, как все девчонки, всё же то, что ей нравилось играть больше с мальчишками (где они только вместе не пропадали, и при этом она никогда не нюнила), отличало её от других.

Тим привык к ней, привык, что она почти всегда рядом.

«Вера? А, Вера свой парень...» — обычно в шутку отзывался он, когда кто-нибудь из приятелей спрашивал о ней.

Правда, за последний год кое-что изменилось. Непонятно почему, но теперь она иногда отводила взгляд и краснела, когда он пристально разглядывал её при встрече, а иногда ему казалось, что она вообще избегает его, и всё реже они вместе возвращались домой после тренировок. С ней что-то происходило, Тим заметил это, но не придавал значения.

— Отец приехал, — произнесла Вера с придыханием, когда он спустился. — Подарок тебе привез.

— Мне?! Какой подарок?

— Идем, сейчас увидишь.

Когда они ехали в лифте, Тимофею показалось, что Вера чем-то смущена.

Лифт поднимался очень медленно, но они не проронили ни слова, каждый думая о своем.

— А, привет, переплетчик! — протянул ему руку отец Веры и приветливо улыбнулся.

Этот прозвище он ему дал за то, что мальчик однажды собрал у них журналы «Вокруг света» и переплел в мастерской за свои деньги, и теперь «подшивка» стояла в гостиной на видном месте, за стеклом горки из красного дерева.

В гостиной, под антресолями, в нишах стенки были расставлены статуэтки, лежали всякие безделушки из цветного стекла и слоновой кости, скребки, наконечники копий, старинные и редкие монеты.

Но то, что отец Веры привёз на этот раз, стоило всего остального! Это была маска, — маска редчайшая, из эбенового дерева, с особой раскраской.

— Ритуальная маска Мага Дождя, — пояснил отец Веры, — подобные маски находили французские исследователи в Судане еще в прошлом веке, на границе Сахары.

— Откуда она у вас, дядя Андрей? — спросил Тим.

— Выменял у одного вождя на патроны.

— На патроны?

— Ну, у них там гражданская война, и мы помогали повстанцам.

— А-а... — протянул Тим.

Он продолжал с интересом вертеть в руках маску, а потом вдруг попросил Веру: «Примерь, пожалуйста».

Девочка приложила маску к лицу, и сквозь прорези заблестели ее глаза.

Только сейчас Тимофей заметил, что глаза у нее изумрудного цвета с золотистыми крапинками на радужной оболочке.

Выгоревшие, как крыло голубя, волосы, изумруд глаз и пастельно-коричневые тона маски с яркими разводами золота и охры, — все это создавало удивительное впечатление.

На мгновение ему показалось, будто маска ожила, исчезла её магическая суровость, губы ожили и расплылись в полуулыбке.

Тим стряхнул с себя наваждение и восторженно протянул:

— Ве-ещь!

— Или? — подмигнул ему отец Веры. — Дарю, тебе привез специально.

Вскоре они сидели вдвоем на кухне, Тимофей с удовольствием жевал шербет, пахлаву и рахат-лукум, слушая рассказы отца Веры о жизни в

Африке; маска лежала у него на коленях, но почему-то перед внутренним взором у него была не белая пустыня с песками, шатрами и караванами, а новый образ Веры.

Неожиданно у него зазвонил телефон.

— Тим, ты где!? Завтра же в школу! — без предисловий начала мама.

— Да, да, сейчас иду.

— Вера, завтра же первое сентября!

— Ой, точно! Я совсем забыла, — прикоснулась пальцами к вискам Вера.

— Заходи, мы тебе всегда рады! — положил ему руку на плечо отец Веры, когда Тимофей обулся и собрался выходить.

— Доченька, — притянул он Веру за плечи, когда за мальчиком захлопнулась дверь. — Какая ты у меня уже взрослая...я тебя так люблю!

— И я тебя, папа, — прижалась к отцу Вера, ощущая покой и умиротворение.

— Вот он, голубчик, явился наконец!

С порога услышал он возглас бабушки, которая сидела в кресле-качалке.

Она приподняла голову, и Тимофей заметил, что она вновь сделала себе клубничную маску.

Бабушка наотрез отказывалась стареть, одевалась с шиком, красила волосы, и, по ее словам, за ней приударяли еще вполне состоятельные мужчины.

Своими нарядами она затмевала даже маму, хотя сделать это было несложно, мама всегда одевалась просто, в офис ездила в деловом костюме, а в магазин, или к друзьям — в обычной блузке, джинсах и сандалиях.

— Здравствуй, мама! — кивнул Тимофей маме, которая хлопотала у плиты.

Повинуясь невольному порыву, он подошел к ней и поцеловал ее в щеку.

И она почувствовала в его робком поцелуе теплоту и нежность, и по привычке, сама поцеловала его сначала в затылок, а потом слева, за ухом, уткнувшись носом в рыжие вихры, которые пахли юношеским потом и морем, почему-то именно морем.

— Привет, сынуля! Как ты загорел! — отодвинулась она.

Тим ловко закинул себе в рот кусок сухаря.

— Погоди, аппетит перебьешь... — улыбаясь, она слегка оттолкнула его.

Потом, когда они сидели на веранде и пили чай в сумерках, слушая, как затихает пение птиц, Тимофей вновь заметил девочку на балконе соседнего дома. Она повесила на веревку полотенце, привстав на цыпочки, и на мгновение задержалась, окинув взглядом двор.

Тим попытался представить, кто она, и сколько ей лет, но когда он думал о ней, у него все плыло перед глазами, и вытеснялось образом Веры, примеряющей маску.

Это было странно, потому что он никогда прежде о Вере так много не думал.

Говорили мало.

Бабушка, искоса, с интересом поглядывая на него, удерживалась от замечаний.

Мама была задумчива, она медленно потягивала свой любимый банановый ликер из фужера.

Но тень какого-то изменения уже коснулась их, впорхнула в дом, как большая ночная бабочка, и, осыпая пыльцу с крыльев, начала носиться вокруг.

На город уже давно опустились сумерки, но они не стали зажигать свет на веранде.

Их лица постепенно таяли в полутьме, и они сидели тихо, не произнося ни слова, будто опасаясь спугнуть тишину.

Вскоре двери веранды перестали звенеть от шагов, бабушка похрапывала в шезлонге, пение птиц стихло, и тонкий серп молодого месяца тихо качался в звездном небе.

Первое сентября, как всегда, пришло неожиданно.

У входа, перед зданием школы носилась с радостным визгом малышня, но вскоре всех стали сгонять на линейку, на которой выпускники должны были поздравлять первоклашек, а те дарить им цветы.

— Айда, подымим! — предложил Тимофею Митяй Селезнев, необычайно шустрый и проворный для своей комплекции увалень, которого мало кто привечал, и каждый норовил дать под дых просто так, «за плохо посмотрел», хотя он и играл в классе роль запасного шута.

Тим водился с ним из принципа, потому что противно, когда все на одного, и даже вступился за него пару раз.

— Ну, идем, — кивнул Тим.

Возле трансформаторной будки курили одиннадцатиклассники и ребята из параллельного 10-Б, несколько шпингалетов стояли на атасе, выглядывая из-за угла.

Все важно пускали кольца дыма и даже не взглянули на них, когда они подошли.

Не успел Митяй достать из пачки сигарету, как вихрастый малый из 3-А, бросился, как щенок, ему в ноги, и с глазами полными ужаса прошептал: «Завуч! Вера Николаевна!»

Завуч, а по совместительству учитель химии, возникла, как из-под земли, буквально через мгновение.

В сером балахоне с накрахмаленным воротничком, она наводила тоску, и вызывала у Тимофея то характерное чувство, которое испытываешь, когда нужно идти в зубной кабинет.

— Та-ак, вот вы где! Мало того, что курите, так ещё общий сбор игнорируете! — несколько раз она клацнула своей акульей челюстью.

— А ты, Ведянин, — бросила она робкому и бледному мальчику в очках с роговой оправой, — на медаль и не надейся, — уж я позабочусь.

— Вера Николаевна, — начал было хныкать тот, пряча за спиной окурок.

Но завуч резко оборвала его нытье:

— Марш все на линейку! Живо!

Тим переглянулся с Митяем, и, вздохнув, они поплелись за остальными.

Когда они подходили, классная, вместо «здрасьте», зашипела на них, как змея, тараща глаза, которые у нее, от природы, и так выскакивали из орбит.

Тим стал во второй ряд, подмигнул своему приятелю, футболисту Вовке Белову, который стоял в ряду слева от него, потом отодвинул локтем Кравца Олега, ловчилу, по кличке Крава, и приготовился слушать выступления, которые обычно по такому случаю выдают у микрофона учителя, заслуженные перцы, приехавшие на дутых Мерседесах, и директор, по кличке «череп», у которого кожа так обтягивала лошадиное лицо, что, казалось, могла лопнуть в любой момент от напряжения, когда он кланялся и улыбался своим бывшим ученикам-богатеям.

От нечего делать, Тим стал подбивать коленкой Селезнева, но классная шикнула на него.

В это время еще один долговязый тип, вырядившийся в жару отчего-то в черный костюм, брызгая слюной, стал восторженно распинаться об успешной жизни бизнесмена-мусорщика, и вдруг его так понесло, что директор, почуяв неладное, сдал делать знаки завучу, чтобы та остановила его.

С изумлением переглядывались молодые мамочки и бабушки, держа за потные ладошки первоклашек, но парень, видать, совсем в раж вошел, с упоением расписывая красоту городской свалки.

Наконец завуч, которая непосредственно отвечала за порядок и воспитательную работу, все-таки вырвала у него микрофон, и, ощерившись, гаркнула:

— В первый раз — в первый класс! Дорогие мои, — ура!

А потом сунула микрофон директору, который, не уловив её намерений, невыносимо занудным голосом затянул околесицу про школьные достижения.

Именно в этот момент, оторвав взгляд от кроссовок, которые он обул, несмотря на протесты бабушки, Тим вдруг заметил её, ту девочку, которая пела на балконе.

Она стояла вместе с их классом, рядом с Зинкой Сенцовой, первой сплетницей, которая все обо всех знала, и с которой нужно было всегда держать язык за зубами.

Вслед за директором выступал еще один лысый дядька, член местного дворянского собрания, он сыпал фразами типа «аристократия духа» и все такое, но его уже никто не слушал, а тем более Тим, который исподволь наблюдал за новенькой.

Все в ней было ладно: и точеная лодыжка, и прямая спина, как у балерины, и красивый изгиб шеи, и маленький вздернутый носик...

Как зачарованный, он разглядывал её, но вдруг кто-то толкнул его локтем, да так больно, прямо под ребра.

— Не спи, замерзнешь! — осклабился Крава.

Передние зубы лопаткой делали его похожим на кролика.

За глаза его в классе так и называли, — «Крава-кролик», еще и потому, что он вечно жевал что-то, — всегда был голодный.

— Да иди уже!

Подтолкнул он Тимофея ко входу.

С шумом, гоготом и визгом школа медленно втягивалась в вестибюль, где паркет горел под слоем нового лака, и пахло свежей краской.

Протиснувшись, Тимофей шлепнулся на свое место за партой, и бросил соседке, Светке Глобовой, волейболистке с большими руками, которая еще вымахала за лето.

— Привет! Как ты?

— Все супер!

— Понял.

Тим отвернулся и посмотрел в окно. Вдалеке, за парком, золотилась долина реки. В речном порту, сновали, пыхтя, буксиры.

Совсем рядом, кажется, протяни руки и можно коснуться, шелестел серебристой листвой тополь, макушка которого уже возвышалась над школой.

Тим любил наблюдать, как течет жизнь среди ветвей тополя: отчего-то ему тогда становилось хорошо.

По утрам среди ветвей тополя часто трещали сороки, иногда ствол долбил дятел, и дробное эхо разносилось на весь школьный двор.

На тополе текла особая жизнь, которая была частью жизни Тима, и только его тайной.

Но, конечно, когда в феврале, среди голых ветвей прыгала белка-альбинос, которая еще не успела сменить шубку, или когда, она же, с

пушистым рыжим хвостом, тащила в зубах бельчонка, спасая его от ворон в конце мая, — это было развлечением для всего класса.

За пять лет, которые Тим проучился в этой школе, тополь вырос на целый этаж.

«Вот, — думал Тим иногда, на уроке биологии, — в дереве течет сок жизни, а во мне кровь жизни. Сок — кровь, разного цвета, но суть одно. И все мы зависим от солнца, амебы, растения, люди, все мы одно целое и такое разное...»

Задумавшись, Тим не заметил, как вошла классный руководитель, Зоя Карловна, и, совершив ритуальное действие, все, с шумом, поднялись и вновь уселись, а он так и не успел подняться.

«Карла» или «Карлуша», как её называли подхалимы-отличники, по случаю праздника, навесила на себя все фамильное золото: перстни, кольца, сережки, и, счастливая, сияла, как рождественская елка, увешанная побрякушками.

Была и другая причина для радости — новая ученица, на родителей которой у Карлы были особые виды.

— Дорогие ребята, позвольте представить вам Виталину Ветрову, дочь бывшего посла в Мексике. Виточкин папа назначен губернатором в нашу область, и Вита будет учиться пока вместе с вами.

Девочка стояла спокойно и с интересом разглядывала «зал», держалась она просто и без ужимок.

Тим вспомнил брезгливую мину её матери и невольно поежился.

— Ни фиги себе! — присвистнул Селезнев.

— Дмитрий, держите себя в рамках! — поджав губы, осадила его Зоя Карловна.

— Какая честь! — приподнялся и, усмехнувшись, развел руками Юрка Куницын, прилизанный, тип, которому, наверное, делали маникюр в салонах еще с первого класса.

Он был у Карлы любимчиком.

— Юрочка, ну зачем вы так, — нахмурилась она.

— А можно я буду тебя называть не Витой, а Аллой, — вновь подал голос Селезнев, ему прощались многие выходки, в отсутствие дружка Сявы, или Саввы, который не вернулся еще от тетушки из Германии.

Обычно они шутовали вдвоем. Их еще иногда звали Добчинский и Бобчинский.

Правда, в отличие от Саввы, которого назвали в честь Саввы Морозова, миллионера и мецената, Митяй слыл парнем с заскоками.

— Не вопрос, а тебя я тогда буду называть Сова, можно?

Девчонка оказалась не промах.

Митяй, с поглупевшим видом, примолк, захлопал ресницами.

А Тим заметил, что он действительно похож на сову, со своими желтыми глазами на плоском, как блин лице; и все тотчас заметили это, и класс грохнул, даже девочки, которые сперва настороженно встретили новенькую, даже Карла довольно хмыкнула.

И сразу Вита стала своей.

И Тим порадовался за нее, и огорчился тем, как благосклонно она приняла реплику Куницына.

«Парикмахер быстро смекнул, что к чему», — подумал он.

— Виточка, садись, пожалуйста, за третью парту, — вот свободное место. — Подказала Карла новенькой.

— Зоя Карловна, здесь же Савва сидит, — возмутился было Митяй.

— А ты сова не гуди, — поддел его Васька Лысай, — приятель Куницына, во всем ему подражающий.

Он всегда действовал исподтишка.

— Селезнев, — строго сказала Карла, — без тебя разберемся.

— Ага, конечно, — пробурчал обиженно Митяй.

Девочка, высоко держа голову, прошагала к парте, за которой сидела тихая, как мышь, зубрила и отличница, ясноокая Лиза Яровская, которая всегда носила водолазки, или обтягивающие блузки.

Та, с готовностью, подскочила, посторонилась, и Вита заняла место возле окна, напротив Тима.

Когда она подходила, он намеренно отвернулся, и странный вопрос возник у него: «Интересно, что ей снилось там, в Мексике? И знает ли она что-нибудь о последнем императоре ацтеков, Монтесуме Втором?»

В этот момент в класс не вошла, а, как всегда, влетела запыхавшаяся Вера.

У нее была такая манера не входить, а врываться в класс, что очень раздражало Карлу.

Одета она была в свои обычные джинсы и кроссовки, праздничной на ней была только белая футболка, — и все.

— Ох, Зочка Карловна, разрешите, я отцу завтрак готовила, он только вчера из командировки вернулся.

Карла, не сумев скрыть недовольства, поморщилась и сухо произнесла:

— Вера, ты бы, для разнообразия, хоть первого сентября придумала что-то новенькое.

— Ну, извините, пожалуйста, я...

— Садись уже! — оборвала ее Карла.

Ей, конечно, не понравилось, когда пять лет назад ей на шею повесили Веру Солнцева, у которой ничего за душой, кроме красивой фамилии не было. Правда, директор ее предупредил, что у отца девчонки были покровители в штабе округа, и она смирилась, подумав: «В случае чего, всегда можно

ввернуть, вот, мол, смотрите, у нас учатся все слои населения, для нас все равны...»

Вера стремительно пронеслась по проходу, швырнула сумку на последнюю парту, подпихнула Витьку Зотова, который играл в игрушки на мобильнике.

— Хай! — шепнула она Витьке, но тот буркнул что-то в ответ, отодвинулся, и вновь уткнулся в телефон.

Сам не зная почему, Тимофей оглянулся, и Вера кивнула ему, но он не ответил, а невольно стал разглядывать Ветрову.

И Вере стало неприятно то, как Тим смотрит на новенькую.

А Тим и хотел, но не мог оторвать взгляд от Виты.

Волосы у девочки были зачесаны наверх, и, обнажая длинную шею, лежали на голове тугим узлом, в ушах поблескивали сережки.

Легкий терпкий запах духов и еще чего-то неуловимого, душистого, пряного окутывал его, и ему вдруг захотелось поцеловать ее в затылок, как целовала его иногда мама, и он вздрогнул, резко отодвинулся, и придавил пальцы Ритке Смелявской, организатору и сборщику податей.

— Ай, осторожней! — воскликнула та.

— Риточка, что случилось?! — возрилась на нее Карла.

— Да Тимофей меня чуть не покалечил, — дула она на палец, чувствуя, как боль дергает под ногтем.

— В голову ему видать опять что-то стукнуло, — съязвил Куницын, который недолюбливал Тима, — не мог забыть, как однажды тот при всех наподдал ему.

Как-то в пятом классе, по науськиванию Юрки, мальчишки хотели сбросить котенка по водосточной трубе, — было интересно, что будет.

Для котенка могло все кончиться хорошо, а могло и плохо, но Тим не позволил. Вот Юрка на него и наехал. Они сцепились, Тим врезал ему разок, и

случайно в нос попал. А когда кровь стала капать на снег, техничка, тетя Муся вдруг заорала на всю школу: «Спасите!!» Она долго еще потом охала и скрежетала лопатой, пока не счистила весь снег до асфальта.

Юрку почему-то на носилках отнесли в медпункт пожарной части, через дорогу, хотя он вполне и сам мог идти, а Тима заперли в кабинете завуча.

Тим хорошо помнил, как Карла кричала на него, сверкая фиксой, когда пришел отец.

Но отец ее быстро уgomонил.

— Молодец! Я бы еще добавил! — ошарашил он Карлу, обняв сына.

И Карлуша, захлопнув рот, примолкла, и даже подняла в невольном жесте руку, когда ей вдруг показалось, что отец шагнул к ней, сжав кулаки.

А потом еще мама ездила извиняться к Куницыну-старшему, потому что недавно оформила кредит у него в банке, и дома был скандал.

— Ты мне ломаешь весь бизнес! — кричала она на отца, швыряя в него пуфики. — Тебе было всегда наплевать на меня, на семью, эгоист!

Хотя в то время мама всегда хвалила отца, говорила, что у него талант.

Он расписывал Воскресенский собор, и у него была работа и деньги.

Правда, то, что он рисовал, маме не нравилось. А бабушка так вообще обзывалась: «Мазня!» Особенно ее возмущали скульптуры отца, которые она именovala не иначе, как «юродивые кочерыжки».

Но Тиму они нравились. А больше всего он любил находить с отцом необычные камни. Они часто гуляли вдоль берега реки, и отец показывал ему причудливые сучки, деревья, цветы и всегда спрашивал: «Скажи, на что это похоже?»

И Тим придумывал все, что только мог придумать и вообразить. А отец просил: «Еще, еще...» Это была игра. А потом он сам придумывал, и Тимофей всегда изумлялся, сколько у отца в голове сидело всяких необычных образов.

«Смотри, а вот этот камень Куриный Бог, вот дырочка, видишь, а вот камень-гроза, видишь, как туча синевой набухает», — вертел отец под солнцем синеватый кварц...

— Он же сын художника, от слова «ху-до», — хихикнул Лысай.

Тим резко обернулся и хотел ответить, но Карла умело предотвратила стычку.

— Лысай, — прекрати сейчас же! Вы что, хотите мне сорвать первый урок?!

Несмотря на всякие выходки, Тимофей был ей полезен.

Мама — успешная бизнес-вумен всегда жертвовала для школы, да и бабушка была не последний человек в городе.

Неделю спустя Тимофей столкнулся с Витой в коридоре на перемене.

С визгом и криками, мимо неся поток первоклашек.

Он шагнул влево — и она влево, он вправо — и она вправо.

— Пропусти, ты что в Англии? Не знаешь, что у нас правостороннее движение, что ли?!

Тим задохнулся от смущения и неловко отступил в сторону, и его чуть не сбил Лешка Федяев из 11-Б, которому впору было работать вышибалой в ночном баре.

— Эй, полегче! — только и успел он воскликнуть, отскочив.

К счастью, его всего лишь крутануло, но он удержал равновесие.

И Вита рассмеялась, запрокинув голову, и смех её долго ещё звенел у него в голове, не давал покоя, и всю ночь потом он ворочался, не мог уснуть, и никак не мог забыть фразу, которую она бросила ему напоследок:

— Тоже мне, — еще один! Выскакиваешь всегда, как джинн из бутылки.

Довольно скоро вокруг Виталины сформировался особый круг; каждый норовил примазаться к ее известности, тем более что и сама она была не обделена талантами, объездила полмира, знала кучу всего интересного, в общем, была еще та кукла-принцесса.

А для их города, затерянного между Питером и Москвой, который мало изменился со времен Радищева, с обшарпанными гостиницами и веселыми забулдыгами на вокзале, с предместьем, где люди ходили летом в резиновых сапогах и питались одной репой, картошкой и грибами, а по вечерам пели на краю дремучей чащобы о счастье, прислушиваясь в тумане, наплывающем из леса, к шелканью аистов, которые гнездились на каждом столбе в округе, — для такого места Вита была вообще диковинка.

Вскоре возле нее стали увиваться и Ритка Смелявская, и Светка Глобова, и даже главный шут Савва, который по возвращении из Германии с удовольствием посвятил свое шутовство новой царице, забыв, что еще недавно проходу не давал Ритке, а та его жутко ревновала теперь, но виду не подавала, точила втайне ножи ревности.

Все признали ее первенство, кроме Тимофея, Юрки Куницына, и Веры. Всем свои видом они показывали, будто им было начхать, что у них в классе учится такая цаца.

А потом случилось одно примечательное событие.

К ним в лицей прислали практикантку, Нину Ивановну Шевченко.

С этого все и началось.

Нина Ивановна, на вид самая обыкновенная старшеклассница, была восторженной поклонницей современного театра.

На первом же занятии она заявила, сложив руки домиком:

— Дорогие ребята, на уроках литературы мы будем постигать с вами искусство декламации и разыгрывать сцены. Это новая современная методика, её используют в Америке и Канаде.

Невысокая, чернявая, стройная, она произносила все с пафосом, будто на сцене.

— А сегодня мы приступаем к изучению гениально русского поэта, Николая Алексеевича Некрасова, который замечательно изобразил красоту и духовную силу русской женщины.

Пока она молотила так, воздев руки к потолку, их штатный учитель-словесник, Лидия Павловна блаженно улыбалась.

Лидия Павловна проработала в школе полвека, когда она волновалась, то брызгала слюной, но её все очень любили, потому что на уроках можно было делать все, что угодно, а оценки она все равно ставила высокие.

Заявление практикантки вызвало у всех оторопь.

Первым не утерпел и высказался Селезнев:

— А песенки под балалайку мы петь не будем?

— Зачем же, стихи музыкальны и так, — ответила учительница, сделав вид, что не уловила сарказма.

— Ясненько, — криво усмехнулся Митяй.

— А чё, мне нравится, заряжает, гы, — встрял Савва, — в Германии тоже на уроках играют роли там всякие.

Задумчиво почесав затылок, он добавил:

— Некрасов — это «гут»: «Идет, гудет Зеленый Шум», — почти как зеленый змий, га!

И все грохнули.

Нина Ивановна покраснела, но совладала с нервами.

— Ребята, а давайте-ка почитаем замечательное стихотворение «Железная дорога», давайте!

— Девочка, — ты хочешь? — обратилась она к Смелявской.

— Можно в другой раз, — глухо обронила Ритка, умевшая извернуться.

Повисла неловкая пауза.

— Может, Вы попробуете? — спросила она притихшего Савву.

Разволновавшись, она стала путаться, и, не зная уже, как и подластиться, стала обращаться то на «Вы», то на «ты» к ученикам.

— Не-е-е, — заблеял, сразу вспотевший, Савва, стихи — не мое, вот анекдотик, всегда пожалуйста...

Поднялась Лидия Павловна, решив поддержать неопытного педагога.

— Нина, э... — затянула она, вспоминая отчество, потом неопределенно махнула рукой, и заявила, — не стесняйтесь, вызывайте любого, открывайте журнал, и любого — прямо по списку!

Именно в этот момент Васька Лысай крикнул с места:

— Зодчев, Зодчев хорошо читает, вызовите Зодчева!

— Кто Зодчев? — завертела головой практикантка. — Зодчев, идите к доске!

Тимофей, который мечтательно разглядывал тополь за окном, сначала не понял, чего от него хотят.

— Зачем? — спросил он, с отсутствующим взглядом.

А Нина Ивановна вдруг неожиданно для себя вспылила:

— Вы что спали?!

А тут еще повернулась Виталина и выразительно посмотрела на него, мол, — «А ну-ка, давай, посмотрим, чего ты стоишь...»

Да и Лидия Павловна вдруг бубнила:

— А чего, Тимофей может, да, Тимофей?

Растерянно озираясь, он вышел к доске.

Практикантка сунула ему хрестоматию, буквы перед глазами плясали.

«С-славная осень...», — начал он, запнувшись, и остановился.

— Ну, продолжай, — подбодрила его молодая учительница.

А он вдруг разволновался.

— С-славная осень, з-здоровый, ядреный... — затянул он, отчего-то заикаясь.

— Да нет же, не так! — выхватила она книгу и сама прочитала первый куплет восторженно, нараспев.

И в третий раз у Тима ничего не вышло.

— Заело! — резюмировал Савва, разведя руки.

И класс вновь разразился смехом.

— Тимофей, да что с тобой? Ты плохо себя чувствуешь? — озабоченно поинтересовалась Лидия Павловна, невольно раздражаясь.

Ей было неприятно, что у коллеги так неудачно складывался первый урок.

— Мне бы в туалет, забыл облегчиться... — обронил неожиданно Тим и добавил, повернувшись к практикантке, — да не волнуйтесь Вы так, а то на вас лица нет.

— Что-о?! — опешила та. — Если вам нужно, т-так скажите и выйдете!

Класс притих, а Тимофей кивнул только и, с трясущимися руками, вышел в пустой гулкий коридор.

Он и сам не понимал, зачем так повел себя, но что-то уже несло его, и с этим ничего нельзя было поделать.

Из школы он побежал к реке, и вскоре оказался на гребной базе.

Эллинги были открыты, он переоделся в каптерке и спустился к бону. Несколько моторных лодок пронесли к островам, пока он устанавливал байдарку на воду.

День был солнечный, но вода отливала свинцом, и была по-осеннему легкая и прохладная.

Это место под железнодорожным мостом он проходил десятки раз, и всегда течение сначала швыряло байдарку у опоры моста, а потом выбрасывало из водоворота, если вовремя поставить весло на баланс.

Но в тот день он зазевался, весло вдруг скользнуло о кокпит, лодка под ним шарахнулась, и он вывернулся.

Вода обожгла грудь, дыхание перехватило, вокруг ни души, а из-за поворота с глухим рокотом показался буксир и дал короткий гудок.

«Зеленый шум...зеленый шум...», — гулко стучало у него в голове.

Водоворот медленно закручивал его вместе с байдаркой, притягивая к середине воронки, буксир приближался на всех парах и гудел, не переставая...

Неожиданно поблизости раздался треск мотора, описав полукруг, к нему подлетела лодка «Казанка».

— Давай, давай! — кричал ему тренер.

И вот уже он схватился за борт, еще мгновение и перевалился в лодку.

Тренер орал ему что-то, но он ничего не слышал, только теперь по-настоящему оглушенный и ослепленный страхом.

Вечером он бегал кросс, чтобы не простудиться, а когда вернулся на базу, заметил, что на боне его поджидала Вера.

Она задумчиво смотрела на воду, поджав под себя ноги, и бросала время от времени камешки в реку.

— Карла родителей твоих в школу вызывает.

— Да ну её, достала! — махнул он рукой.

Вера замялась, будто собираясь что-то еще сказать, но передумала. Она вздохнула, поднялась по трапу, и уселась на тумбу возле стоек для лодок.

— Сумка твоя в раздевалке, — обронила она, когда он выходил из эллинга.

Он только кивнул и все.

И ей взгрустнулось, что он даже не поблагодарил ее.

Домой они возвращались вместе.

Вера, искоса с любопытством поглядывала на Тимофея.

«Интересно, — я ему хоть чуть нравлюсь?» — спрашивала она себя и не находила ответа.

— Тим! — позвала она тихо.

— А?

— Я давно хотела тебе сказать...

Они остановились возле парапета набережной.

Ветер принес терпкий запах прибрежных трав.

Вдали гасла река, пока лучистое светило закатывалось за край земли...

И он подумал, как это странно и необычно, что о нем позаботилась девочка, его сверстница, только мама заботилась о нем так.

И он хотел поблагодарить ее, но отчего-то смутился.

— Тим! — слышалось вдруг в сумерках.

— Папа?!

К ребятам подошел худощавый мужчина, в рабочей спецовке, с рюкзаком на плече, в котором что-то звякало.

Лицо у него было небрито, щеки запали, глаза блестели, а руки были в краске.

— Привет, сынок! Гуля-ешь? — протянул мужчина со значением и подмигнул. — А я вот малярю теперь, — довольно занятная штука.

— Можно подумать, — буркнул уныло Тим.

— Да, ты прав, конечно, картины писать веселее, «Учись, мой сын: наука сокращает. Нам опыты быстротекущей жизни... », — хлопнул он Тима ободряюще по спине.

У Веры зазвонил телефон, и она тактично отошла в сторону.

— Ну, как ты? — спросил отец и хотел провести по рыжим вихрам Тима, — и тот невольно отпрянул, ему была неприятна сейчас такая фамильярность.

Подошла Вера и сказала, извиняющимся тоном:

— Мама просит, чтобы я срочно зашла в аптеку...

— Надо, так надо, иди, иди, лапушка, — великодушно отпустил ее отец.

Вера взглянула на Тимофея.

И вновь встрял отец:

— А хочешь, я покажу тебе свою мастерскую?

Она замялась.

— Нет, нет, спасибо, в другой раз.

— А меня, кстати, зовут Павел, — бросил отец, — а Вас как, мисс? Мой непутевый сын таки забыл нас представить друг другу! — орал он ей вдогонку.

— Вера! — откликнулась она.

— Вера! Да, вот чего нам всем не хватает, — да, сынуля? — обнял он Тима за плечи.

— Пожалуй, я тоже пойду, — попытался тот высвободиться.

— Погоди, побудь со мной немного, мы так давно не виделись...

Мастерская, которую отец называл «бункер» представляла собой несколько клетушек в подвале пятиэтажки.

Когда-то здесь находился офис ЖЭУ. С тыльной стороны на двери были приклеены плакаты: на одном рабочие в синих спецовках крутили гайки разводными ключами, на другом – девушка в красном платке, с огромным молотом на плече, и лицом римского легионера, шагала «вперед к коммунизму».

Много лет назад помещение приобрел одноклассник отца Леонид Минкин.

Последние годы дядя Леня, как его называл Тим, загорал на пляжах Майами, пока шустрые «дилеры» сбывали американские куриные окорочка в родном городе.

Мастерскую он сдал отцу за «мизерные», по его словам, «цуци», и не только из любви к искусству.

Дядя Леня, круглый, веселый, прыткий, как мяч, в отличие от бабушки, вовсе не называл то, что рисовал отец, «мазней». Он даже купил несколько картин отца «на свой страх и риск». А самое удивительное, — как-то, бродя по интернету, Тим обнаружил эти работы на открытом аукционе в Ганновере, и начальная цена, за которую они были выставлены, поразила его.

Но когда он заикнулся об этом отцу, тот отмахнулся:

— Мало ли, какая разница...

На стеллажах в, тускло освещенном помещении, стояли миниатюры из камня, металла и керамики.

Однажды Тимофей слышал, как бабушка в сердцах выговаривала маме, когда вертела в руках подобную статуэтку: «Болванка какая-то...и на что только твой муженек время тратит! Другие мужья, как мужья, деньги в дом приносят, а этот непонятно что, охламон!»

Но кто бы что не говорил, а скульптуры отца Тиму нравились, хотя графику он любил больше — отец рисовал одной линией, не отрывая руку от черного холста. Это было удивительно!

Рисунок рождался, как музыка солнца на черном бархате ночи, несколько мгновений и на черном фоне начинали проявляться образы...

А вот живопись отца — нагромождение цветных пятен, — он не понимал.

Хотя некоторые картины хотелось рассматривать, они волновали, почему — он и сам не знал, а отец только посмеивался и ничего не объяснял.

В помещении стоял запах сигаретного дыма, табака и чего-то кислого, типа уксуса.

На полу валялись куски резаного картона, тянулись провода сварочного аппарата, а сам агрегат и кислородные баллоны находились у противоположной стены.

На ящике из-под фруктов лежал кусок мрамора, на котором отец вырезал портрет Николая Угодника...

В углу стояла бронзовая скульптура «Сны Монтесумы».

Три бронзовых боба, со сквозным рельефом, покрытые зеленоватой патиной, венчали друг друга.

Раз в месяц Тим заглядывал к отцу, в мастерскую, и все ему здесь было хорошо знакомо.

— Я сейчас, посиди пока, — кивнул отец и направился в угловую комнату.

Тим с удивлением заметил, что отец непривычно тихо ходил и разговаривал.

Обычно он «громыхал»: говорил громко, дверью — хлопал, бросал рисунки на стол, громко читал Тиму письма Ван Гога брату.

Многих это коробило и раздражало, а бабушка его так и называла — «громыхало». Но Тиму наоборот это нравилось. Нравилось, что отец никого не боялся и никогда никому не кланялся.

«Кланяться нельзя!» — висел у него девиз над чертежным столом.

— Па, ты куда? — спросил Тим.

— Тсс... — приложил тот палец к губам.

А потом вдруг из-за двери раздался крик ребенка, и Тимофей чуть не подпрыгнул от изумления.

Хохотнув, отец подозвал его.

В угловой комнате, на широкой, расстеленной кровати сидела бледная женщина, которая кормила грудью младенца. Она едва прикрыла грудь отцовским халатом, в который была одета.

Тим почувствовал, как у него мгновенно вспотели руки, а во рту пересохло.

— Инна, это мой сын, Тимофей, — прошептал отец, улыбаясь. — Ну, как вы?

— Животик болит, — приветливо улыбнулась женщина, кивнув на малыша, который безмятежно сосал грудь, постанывая и причмокивая.

Когда они вышли, Тим вопросительно взглянул на отца.

— Инна — моя натурщица, ее бросил один проходимец, вот и живет пока у меня, — пояснил тот.

— А-а, — протянул Тим, все еще пребывая в недоумении. — А я думал, у меня уже есть братик...

— Или сестричка? Ха, — чмокнул его в ухо отец, идем, покажу кое-что, — позвал он с заговорщическим видом и неожиданно сдернул тряпку с холста, который стоял у стены.

На фоне розовеющих вдали холмов и фиолетового предгрозового неба в шезлонге на террасе виллы, в белом полуоткрытом платье, сидела мадонна с младенцем.

Тим вздрогнул, потому что в облике мадонны, в ее полуулыбке, проступал образ мамы, а в лике младенца угадывался он сам.

Внутри у него что-то сжалось, а потом отпустило, а потом вновь сжалось.

«Отец всегда будет любить только меня и маму, и больше никого, никого... никогда», — подумал он.

Как замороженный, он смотрел на мадонну с младенцем, а отец стоял рядом, думая о чем-то своем.

И Тим почувствовал себя утомленным и тихо произнес:

— Па, я пойду, а то уже поздно, — он поцеловал отца в щеку, а потом вдруг поцеловал ему руку.

Тот удивленно отстранился.

— Ты чего, сынок?

— Что маме передать?

— А? Скажи, что у меня все в порядке, сам видишь.

— Ладно, а что это за ранка у тебя на губе?

— Та, обжегся сигаретой, скоро пройдет.

Он обнял сына, а потом уселся перед картиной и стал что-то подправлять, макая кисть в краски, точно и быстро ударяя ею по холсту.

Было далеко за полночь, когда Тимофей оказался на улице.

Сияла луна, у реки догорали костры, и ветер приносил горьковатый запах дыма.

Он решил сократить путь домой через городской парк.

Парк был заброшенный, он быстро шагал по темной аллее. Смутные фантастические тени преграждали путь, но после общения с отцом он испытывал необычайный подъём и ничего не боялся.

Тим шел довольно долго, когда вдруг вдалеке услышал странный звук, очень похожий на звериный рык.

Он остановился и перевел дыхание, тишина звенела в ушах.

Когда он миновал парк, и стал обходить городской Дом культуры, то понял, в чем причина.

В обычном вагоне на колесах, за решеткой метался тигр, время от времени он вскакивал и грозно рычал, рядом в фургоне сидел бурый медведь.

При свете уличных фонарей медведь казался неестественно огромным, он шумно сопел и старался просунуть морду через решетку.

«Видно, приехал цирк», — догадался Тим, остановившись у разделительного барьера.

В последнем фургоне сидели медвежата.

Им оставили для вентиляции маленькое окно и они громко сопели, тычась в него мордами, и в свете фонарей поблескивали их недоуменные глаза.

«Веселенькая у них жизнь», — подумал он.

Тигр разволновался и вновь зарычал, а из «дежурки» выглянул охранник и недовольно бросил:

— Шел бы ты домой, парень, зверям тоже отдых нужен.

— А чего у этих такой фургон? — кивнул Тим на фургон с медвежатами.

— Не знаю. Цирк частный, что хотят, то и делают. Им-то что, главное вернуть бабки, а зверей потом, когда они выдохнутся, или заболеют, продают в зоопарк, или усыпляют, или вообще бросают по дороге, в лесу, а после жизни в неволе зверь уже вряд ли там выживет...

— А усыпляют это как?

— Ну, отвозят в больницу и делают укол, и душа медведя тью-тью, летит к той медведице? — показал он на небо, где сияли фигуры созвездий.

— Ясно, — кивнул Тим, хотя ему мало что было ясно.

Подходя к дому, он заметил, что мама еще не спала. Она стояла на веранде. Огоньки свечей, которые она любила зажигать перед сном, отбрасывали розоватые отсветы на её лицо.

— Привет, ма! — подошел он и поцеловал ее в щеку.

Она погладила его по вихрам.

— Мама, — произнес он тихо и склонил голову ей на плечо.

— Зоя Карловна звонила, жалуется, что ты перестал учиться, дерзишь, а сегодня даже сорвал урок.

— Я?! — зашелся от возмущения Тим, высвобождаясь. — Она так сказала?!

— Да, так сказала, — повторила мама, с тревогой заметив, что он все больше начинает походить на отца, и в сердце у нее колыхнулась нежность.

— Значит, — это неправда, — погладила она его по волосам.

Тим отрицательно покачал головой.

— Ты уже совсем взрослый, — голос её дрогнул.

— Мама, почему папа ушел от нас?

Тим отодвинулся от неё, и даже сейчас в ночном сумраке веранды заметил, как ее глаза подернулись влагой, и пожалел, что задал этот вопрос.

— Понимаешь, люди живут вместе, пока любят друг друга, а когда перестают любить, тогда расходятся.

— А разве ты сейчас папу не любишь? И разве он не любит тебя?

— Наверное, я люблю, и он любит, но ему моей любви уже мало.

— Мало?!

— Сейчас ты этого не поймешь, вот старше станешь, тогда и поговорим.

— Ладно уж, мало, много, вас не поймешь. По-моему, любовь либо есть, либо ее нет, разве не так?

— Да, может и так...

Ночью он еще долго не мог заснуть.

Серебристый шар в небе всегда мешал ему засыпать, и он все лежал, смотрел в потолок, и думал, думал, как это возможно, что люди, которые любят друг друга больше всего на свете, расстаются.

Он еще долго не мог заснуть, не веря, что любовь кончается, а потом его веки отяжелели, и сон все-таки сморил его.

В тот год октябрь выдался теплый. В парках летала паутина, а однажды он видел бабочек!

Ивы и вербы, в ярком осеннем наряде, стояли, замороженные, отражаясь в зеркале реки, а розовое сияние тихо рассеивалось вдаль...

С практиканткой он помирился, и даже выучил наизусть «Железную дорогу», а потом настроился и прочел стих так, что в классе все онемели.

Лидия Павловна, которая присутствовала на уроке, расчувствовавшись, подошла и вдруг расцеловала его и, со слезами на глазах, ушла с урока переживать наедине свое потрясение.

А практикантка растерянно улыбалась и говорила невпопад почти до самого звонка.

На радостях она даже предложила ему сыграть роль оленя в новогодней постановке «Снежная королева», и он согласился, тем более, что Герду должна была играть Виталина, а роль Кая дали Куницыну, это вышло как-то само собой, потому что он был невысокого роста.

Тим просил, правда, хотя бы роль принца, или на худой конец Ворона, злого тролля, он готов был сыграть даже роль матери разбойницы с бородой, но практикантка заявила, что для таких ролей нужна особая мимика, а у Тима слишком простое лицо, и роль оленя для него в самый раз.

— Что ж, — подумал он — олень, так олень, все равно.

Хотя ему, конечно, было немного обидно, что даже Вере предложили роль маленькой разбойницы, чего мало кто ожидал; правда, кому как не ей было играть эту роль, — себя изображай и все.

Как-то на большой перемене к нему подошла Ритка Смелявская, которая теперь была на посылках у Виталины и, уставив на него бесцветные глаза-устрицы, спросила таинственным полупшепотом:

— Ты в курсе, что в воскресенье у Виты день рождения, её предки сняли ресторан «Алые паруса», ты в списке приглашенных, придешь?

Тим невольно замотал головой, а потом кивнул.

— Так да, или нет? Ты что, язык от радости проглотил, что ли? Тоже небось в Витку втюрился, да? Все вы одинаковые, помашешь красивой оберткой, и ап, — уже и ручные.

— Неужели?

— А разве не так?! Вот оденусь в «Дольче Габбано», посмотрим еще, как запоешь!

Тим пожал плечами.

— Хорошо, я буду. На подарок скидываемся?

— Нет, конечно! Сам, сам придумай, что подарить девочке. А потом все едут на дачу за городом. Ну... кому родители разрешат, — вздохнула она.

Тим пригляделся к ней и подумал: «Такие всегда у красивых на побегушках».

Подошла Вера и уселась рядом на подоконнике.

Ритка еще раз вздохнула, зыркнула на Веру исподлобья, и пошла дальше разносить «пригласительные».

— Пойдешь? — повернулась к нему Вера.

— Да, а что?

— А меня вот не пригласили, но я и не парюсь.

Тим уловил обиду в ее голосе, но промолчал, испытывая странное волнение.

Когда он приехал в ресторан «Алые паруса», веселье было в самом разгаре; молодежь, как заметил отец Виталины, — «отрывалась по полной».

Виновница торжества, в розовом платье, с блестящими счастливыми глазами, восседала во главе стола, рядом с ней на полу стояли огромные хрустальные вазы с цветами, по бокам сидели с постными лицами два тамады Савва и Митяй, которых оставили без дела лучшие аниматоры города.

Тим часто видел их размалеванные лица на рекламных плакатах.

В жизни массовики-затейники выглядели довольно тускло, но зато умело выдавали целый набор фокусов и прибауток.

Родители Виты скромно сидели по левую руку от именинницы.

Отец, полноватый, лысеющий блондин, принужденно улыбаясь, посматривал на золотые часы «Ролекс».

Мама первой заметила выглаженного Тимофея и заорала:

— Виточка, а вот еще один кавалер! Смотри, какой букет тащит, га!

Тим долго ломал голову над тем, что подарить Вите, потому и опоздал. Но потом решил купить букет из семнадцати роз, и модную книжку «Подстрочник», которую ему посоветовал продавец, сказал, что все покупают.

Чувствуя, что заливается краской, он прошел через сверкающий зал с росписями на стенах, в виде моря и парусников, и, подойдя к Виталине, разом выдохнул заранее приготовленную фразу и бухнул ей в руки букет, — хорошо вовремя подоспел охранник, а то девочка бы его не удержала.

— С днем рожденья тебя, принцесса!

Он хотел произнести эти слова громко и еще что-то добавить, но так засмутился, что услышала его только Вита, да те, кто сидели рядом, включая Куницына, который криво усмехнулся, заглатывая, как аллигатор, ломтик красной рыбы.

— Громче, громче! Чтобы все слышали! — заорала мама Виты таким ором, что все мгновенно умолкли, а Тим смутился еще сильнее.

Вита стояла, смотрела на него, вопрошающе, улыбаясь, а он молчал, стесняясь повторить, то, что он сказал.

Молчание становилось настолько неловким и нестерпимым, что он готов был уже провалиться сквозь землю и наверное бы провалился, если б его не спасла Глобова, — возле нее было свободное место в конце стола и она позвала его.

— Тим, давай к нам!

Он ей благодарно кивнул и, ничего не замечая вокруг, подошёл и плюхнулся рядом.

И только тогда мама Виты вновь гаркнула:

— Ну, чего смущаешься, парень? Смелость города берет, да, Василий?!

Пихнула локтем она своего мужа.

И тот, поперхнувшись шампанским, интеллигентно улыбнулся, вытер платком лысеющий лоб и, с принужденным видом, сказал:

— Да, милая.

Затем он, деланно нахмутив брови, взглянул на часы и, вздохнув, добавил:

— Ну, что, дорогие мои, вы празднуйте, а у меня еще дела...

— Поезжай, Васенька, поезжай.

Погладила его жена по рукаву пиджака.

Васенька поднялся, подошел к счастливой дочери, поцеловал её в щеку, ловко, по-дипломатски поклонился всем и вышел в сопровождении охранников, которые своими лицами наводили на всех уныние и тоску.

— Ладненько, я тоже пока отлучусь, пойду, посмотрю, что у нас на горячее, — поднялась мама Виты, — а вы гуляйте, да не шалите! — помахала она шутливо пальчиком.

В этот момент ди-джей, специально выписанный по такому случаю из столицы, который уже вконец истомился, настраивая аппаратуру, врубил микс хип-хопа, рэпа и «кислоты», да так громко, что все подпрыгнули, погас свет, а на потолке и на полу закрутились радужные лучи. Воздух замерцал разноцветными бликами, и все, как по команде, выскочили на площадку между столами, перед возвышением, где кривлялся ди-джей Макс в наушниках, и начали радостно дергаться, всеми частями тела.

Особенно выделялись Савва и Митяй: один стал вертеться на лопатках и все хлопали ему, как угорелые, а другой, чуть ли не на голову встал, но потом решил, что будет достаточно просто поломаться в стиле гремучки.

Все уже давно танцевали, а Тим все еще сидел за столом, он едва пригубил из бокала «Шампанского»; Куницынская шобла была здесь на первых ролях, и ему было не до веселья.

«Зря я сюда приперся», — подумал он и уныло ковырял вилкой в греческом салате, пытаясь наколоть маслину, и она все время выскальзывала, потому он и не заметил, как к нему подседа Вита, и когда он услышал ее голос, у него все сжалось внутри.

— Разве ты не танцуешь? — спросила она, с интересом разглядывая его, и обмахиваясь руками.

— Да...пока нет настроения.

— Идем, — потянула она его решительно за руку.

В этот момент вдруг заиграл блюз; полилась музыка без слов — и Тим вдруг почувствовал, что руки у него покрылись мурашками, а во рту стало сухо так, что он не мог проглотнуть слюну.

Вита была хрупкая и невесомая, как перышко.

Он осторожно держал ее за талию, боясь уронить.

— А ты хорошо танцуешь, — улыбнулась она.

— Угу.

— Все говорят, что ты выдумщик и острослов, а я что-то не заметила.

— Меняю квалификацию. Оттачиваю ремесло мыслителя.

— Так Вы мыслитель?

— Когда не смотрю на себя в зеркало.

Тим рассмеялся, ему стало легко.

— Поедешь на дачу?

— А чего же, конечно.

— Я рада, что ты пришел, — вновь она улыбнулась открыто и ясно.

Но трудно было понять, адресована ли была улыбка только ему, или это дежурный «смайл» для каждого, хотя сейчас ему было все равно.

Краем глаза он заметил, что многие уже сидели за столом, а Куницын шептался с Лысаем и Колькой Щербатовым, еще одним подручным.

Но ему было все равно, он, кажется, танцевал бы и танцевал...

И вовсе Виталина была не задавака, и не суперстар.

Он даже уловил какое-то беззащитное выражение у нее на лице, или ему показалось, и он продолжал кружить ее, кружить, как ветер снежинку, и она все не таяла, не таяла...

На дачу они приехали за полночь.

Веселой гурьбой, с шумом и криками, они ввалились в постройку, которая примыкала к паркингу.

Это здание с плоской крышей и множеством одинаковых комнат, напоминало гостиницу.

У входа находилась кухня-студия, где на стойке стояла куча всяких разноцветных бутылок и подносы с закусками.

Через кухню они сразу попали в холл, с овальным столом посередине, кожаными креслами и диванами вокруг него.

В тот вечер Тим больше не танцевал с Витой, все время она была в руках Куницына.

Ди-джей Макс крутил свои диски и здесь, он так старался, что даже подпевал...

В какой-то момент музыка оборвалась, и Глобова, с которой танцевал Тим, ушла припудриться, а он, сняв пиджак, откинулся на диване, налил себе в бокал французского шампанского, которое отдавало зубной пастой «Лакалут» и отхлебнул, наблюдая, как Куницын, держа Виту за руку, что-то ей шептал на ухо.

— Слушай, ты что, таки в нее втрескался?! Умоляю, не будь как все! Подумаешь, пупсик из Амстердама, от горшка два вершка, коротыха из Люберец. — Бросила презрительно Глобова, усевшись рядом.

Тим промолчал и невольно отодвинулся.

— Да перестань ты глазеть на них, шею свернешь. Нужен ты ей больно, да и Куница тоже зря старается, пролетит, как фанера над Парижем.

— Думаешь? — повернулся к ней Тим.

— Сто пудов! Зачем ей провинциалы? Она столичная штучка, учебный год закончится и укатит в Москву, в элитный колледж, а то и в Лондон отправят, ты же видел ее мамашу, уж эта своего не упустит! Слушай, давай свалим отсюда по-тихому, а? — предложила она, заглядывая ему в глаза.

— А дома-то что делать, к урокам готовиться?

— Не нравится мне здесь, они сами по себе, мы сами, все чего-то шушукаются.

Тим скользнул взглядом по ее нескладной фигуре и ему стало ее немного жалко.

— Я сейчас, только выйду на минутку, мне душно чего-то.

— Угу, — буркнула она недовольно.

Воздух был свежий, и осенняя сырость пробирала, но он не стал надевать пиджак, а, разгоряченный, подался на задний двор, откуда доносилось тихое журчание, у высокой каменной ограды стояла беседка, сделанная из ажурного металла, возле нее тускло помигивал фонарь, туда-то он и направился.

Рядом с беседкой бил фонтан, струи его золотистым дождиком падали в подогреваемый декоративный пруд, в котором плавали форели, а рядом стояла, поднявшись на задние лапы, навсегда застыв, бронзовая черепаха, и панцирь ее тускло поблескивал в свете фонаря.

Он сел на лавку в глубине беседки, потом прилег, свернувшись калачиком, чувствуя, как тепло растекалось в животе.

Отчего-то кружилась голова, и блаженная волна тихо раскачивала его, тихо журчала вода фонтана, сновали в пруду форели, черепаха внимательно смотрела на него, пытаясь сообразить, кто это потревожил ее в такой час.

Неожиданно совсем рядом раздались голоса.

— Да погоди ты, — шустрый какой, надо заслужить сначала.

— Что, что заслужить?!

— Не что, а кого!

Тим узнал голоса сразу же, сердце у него екнуло и гулко ударило в ребра.

Те двое стояли за кустами жимолости, которая здесь росла в изобилии.

— Слушай, харе прикалываться...

— Убери руки!

— Да ты чё, недотрога, да?

«Не торопись, парень, — подумал Тим, — сейчас я к тебе приду».

Послышалась возня.

— Отстань, да отстань ты!

Хрясь! — раздался звук пощечины.

— Ах ты...!

— Только попробуй, — сейчас позову охрану!

— Зови, зови! — голос Куницына срывался в истерике.

И тогда Тимофей выдал:

— Эй, Парикмахер, ты что, тупой? Тебе же сказали, отвали...чего вяжешься!

— Кто это тут еще вякает!?

С шумом раздвинулись кусты, и в проеме беседки возник Куницын.

— Ты-ы?...Ты что нас подслушиваешь?!

У Куницына был вид, будто его огрели пыльным мешком по голове.

Он схватил Тима за шиворот рубахи, пытаясь его приподнять, рванул, отлетело несколько пуговиц.

За ним появилась удивленная Вита.

— Оставь его, ты что не видишь, — ему плохо.

Сквозь пелену Тим еще видел озабоченное лицо Виты, потом ему хитро улыбалась бронзовая черепаха, потом ему привиделся ди-джей Макс, который убегал от него с перепуганным лицом, догоняя Куницына, а он бросал в них разноцветные бутылки, размахивал руками, еще ему помнилось разбитое зеркало, а потом он трясся в машине на плече у Глобовой, и сквозь дрему слышал, как она повторяла все время: «Ну ты дал, ну ты дал! Что теперь будет?!»

Все воскресенье мама и бабушка играли с ним в молчанку.

— Это только цветочки, а ягодки впереди! — возмущалась бабушка, намеренно повышая голос, когда проходила мимо спальни, где он лежал, укрывшись с головой одеялом.

— Ну, пожалуйста, перестань! — увещевала её мама.

Но та не унималась, гремела посудой так, что Тиму казалось, будто кто-то бил у него в голове в литавры и восклицала: «Вот оно влияние твоего художника!»

Бабушка успокоилась только под вечер, перед тем как уехала на концерт московской знаменитости, певца, который обычно говорил со сцены хриплым прокуренным голосом, но местная публика всегда рукоплескала ему и кричала: «Браво!»

Они уехали, а Тим еще долго лежал в тишине и покое октябрьских сумерек.

Вечером позвонила Глобова и все рассказала.

— Это, наверное, был не я, — уныло отозвался Тим.

— Наверное. Да, я им так и сказала! Охранники тебя еле уgomонили, а Куницын спрятался в туалете и чуть не выл, честное слово! Вита сказала, что ты — «хит» сезона. А Куница первый сочканул с дачи, да, дела-а...

— Значит, я оттянулся?

— Или! — Хмыкнула она в трубку. — На охранника даже кинулся, а он тебе в ухо звезданул.

— А-а, ну, понятно, а я-то думаю, чего у меня звездочки в башке до сих пор летают.

— Башка. Балда ты Тимка, а не умка, как тебя Верка называет.

— А она меня так называет?

— Будто сам не знаешь?

— Представляешь, не знаю.

После неё позвонила Вера, говорила она тихо, в основном междометиями, и вздыхала.

— Ты что жалеешь меня? Прекрати, сейчас же! — отчего-то вспыхнул он.

И она отключила трубку.

И тогда он вдруг понял, что Вера, может быть, единственная, кто понимает его.

Ночью он проснулся от какого-то беспокойства и долго лежал, прислушиваясь к странным звукам и шорохам.

«Почему так чудесно? — думал он. — Дождь слышно, а снег — нет, но ты еще во сне знаешь, что выпал снег... Дождь слышно: шум разбивающихся капель, шелест листвы под дождем, барабанная дробь по карнизу. Но, откуда ты знаешь, что выпал снег?» — спрашивал он себя и не находил ответа...

Утром деревья стояли в снегу и ветви тихо сияли в дымном морозном воздухе, как на японских гравюрах.

В полдень они писали контрольную работу по алгебре.

Все старались, пыхтели, Светка Глобова даже ногти себе кусала, так нервничала.

За окном падал снег мягкий, пушистый, теплый...

Тимофей долго смотрел на чистый лист бумаги, раздумывая над условием задания, а потом его внимание привлек черный кот, который медленно крался по снегу, останавливаясь и нервно виляя хвостом.

Тим привстал и заметил у бордюра попугая, невесть откуда там взявшегося, который, припадая на крыло, пытался взлететь.

Неожиданно в сером воздухе над котом пронеслось несколько ворон, но он только чуть пригнул голову и пополз дальше.

— Я сейчас! — неожиданно выскочил Тим из класса.

У Карлы только рот открылся от изумления.

В два прыжка он слетел по лестнице, пронесся по тротуару, схватил за шкурку толстого школьного кота Маркиза и отбросил его подальше, тот недовольно мяукнул, но, ловко извернувшись в воздухе, приземлился на все четыре лапы, отряхнулся, и теперь вновь был рядом, облизываясь и воя от обиды.

Для острастки Тим шикнул на него; Маркиз вырос из того котенка, которого Тим спас когда-то, но он давно забыл об этом, и теперь, вместо благодарности, крутился и выл, поскольку его лишили добычи.

Взяв попугая на руки, Тим почувствовал, как громко, испуганно стучит его сердечко.

Прыснув в сторону, Маркиз выглядывал из-за красного пожарного щита.

Тим спрятал попугая за пазуху и заметил, что весь класс прильнул к окну, наблюдая за ними.

— Тимофей, зачем ты принес сюда «это»? — возмутилась классная, — птица может болеть.

— Да, птичий грипп не дремлет, и мы все заразимся, гы-гы, — поддакнул Савва.

— Вынесите сейчас же птицу на улицу, а то... — потребовала Карла.

Тимофей, чувствовал, как вздрагивает у него за пазухой попугайчик.

— А то что?!

— Зодчев! Вы опять за свое!

Дома бабушка с ним даже не поздоровалась. Видно, Карла уже успела позвонить и наболтать всякого, она теперь больше ей доверяла.

А тем временем попугай, насторожено озираясь, обживался у Тима в комнате.

Сперва он оскальзывался на паркете, а потом, когда согрелся, уже пытался стоять, хотя одно крыло у него было перебито, и он иногда заваливался на паркет и лежал, взирая перед собой тусклым взглядом.

Попугай был большой, почти весь зеленый, только грудь и шея у него были розовые. Клюв был ярко-красный.

— Интересно, что с ним случилось? — спрашивал себя Тим и не находил ответа.

После обеда Вера принесла деревянную клетку, отец её когда-то хотел держать канареек, но у мамы на птичий пух была аллергия, канареек пришлось продать, и клетка бесхозная валялась в подвале, но вот, наконец, пригодилась!

Вера сказала, что таких попугаев называют неразлучниками, и они очень привязаны друг к другу, а родина неразлучников Африка.

Они еще долго ухаживали за Гошей, как они назвали попугая, решив почему-то, что это мальчик, и подливали ему воды, и дали еще пшена, но он почти ничего не ел, и не пил, и не давал себя гладить.

— Видно, тоскует, — сказала Вера.

— Да, наверное, но ничего, мы его поднимем, выживет! — твердо сказал Тим.

И это «мы» было для Веры самым лучшим подарком под новый год, и она готова была ухаживать за Гошей хоть до скончания света, и пусть он щипает и колотит ее своим клювом, ей было все равно, — главное, что они все были вместе.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

За месяц до нового года Нина Ивановна Шевченко позвонила в Петербург однокласснику Семену Валевскому, который учился в театральном на режиссера, и предложила поставить со школьниками «Снежную королеву» на городской конкурс.

Семен сперва даже обиделся, — но вспомнив, как долго и безответно он вздыхал по Ниночке еще с пятого класса — через пару дней дал согласие.

Нина обмолвилась, что в случае успеха, дирекция Дома культуры может дать ему место главного режиссера.

Не бог весть что, думал Семен, но ведь это только начало... Город небольшой, но и там есть состоятельная публика, а из талантливой молодежи можно сколотить труппу, которая будет на него молиться, а через год он в театре все возьмет в свои руки, а там и на Питер пойдет уже в новом качестве, а там — и на Москву!

Новые замыслы наполняли его кипучей энергией. Все, казалось, складывалось, как нельзя лучше. Только бы не сглазить, говорил он себе, потирая руки, да и Ниночка, наверное, расцвела, и вновь у него по ночам стало ныть сердце, и смутные желания искали выход в странных, косматых снах, в которых к ним, в родительскую квартиру, на Петроградке, на кухню

забирались белки, крысы, а большая черная собака-друг выбрасывала их через окно...

В начале января Семен с одним немецким кожаным чемоданом сошел на станции города, который застрял на полдороге между Питером и Москвой, и с тоской посмотрел на уносящийся вдаль «Сапсан».

Оглядев заснеженную безлюдную станцию с пустым буфетом, он хотел было уже кинуться обратно к кассе, но в этот момент его внимание привлек «Икарус», который дребезжал, как крышка на кипящей кастрюле, оставляя за собой шлейф едкого черного дыма.

Автобус остановился, из него выскочила вся такая счастливая, улыбчивая, розовая, Ниночка, и Семен вдруг почувствовав, как у него перехватило дыхание то ли от морозного воздуха, то ли от нахлынувших чувств, — решил: «А! Была, не была, стрелять надо всегда дуплетом, не целясь, на кураже, как учит папа!» И он смело шагнул навстречу своему будущему.

Тимофей вряд ли догадывался о том, какие наполеоновские планы рождались в голове Семена Борисовича, но режиссер был ему интересен.

Идеи из него фонтанировали, за ходом мысли было не успеть, и Тиму это нравилось. Нравилась ему и независимость и уверенность, с которой тот расправлялся с работниками театра.

— А мне фиолетово плевать на ваше плановое отключение! — кричал режиссер на администратора, — Вы же знали, что именно в это время свет отключают, почему меня не предупредили!?

Просидев на репетиции полчаса в крошечной тьме, ребята попытались разыграть несколько сцен под синим, дрожащим светом лам, запущенных от

дизельного генератора, но выглядело это настолько нелепо, что Семен Борисович всех отпустил, громко заявив, что он отказывается работать в таких условиях, и ушел, хлопнув дверью, в сопровождении расстроенной Нины Ивановны.

В тот вечер машина, на которой отвозили домой Виталину, запаздывала, и она решила прогуляться вместе с Тимом и Верой.

Куницын уселся в родительскую «Хонду» вместе Васькой Лысаем, который хоть и не участвовал в постановке, но присутствовал на всех репетициях, таская за Юркой его причиндалы.

«Хонда» с визгом развернулась и исчезла в снежном сумраке, на миг только в заднем окне мелькнул курносый Васька, состроив им рожицу, — и вот уже снег и тишина вновь окутали их.

До Нового года оставались считанные дни, и на улицах уже ощущалась предновогодняя лихорадка. Люди закупали продукты, бегали по тротуарам и магазинам с восторженно-бесмысленным выражением лица, надеясь, что именно в эту новогоднюю ночь случится нечто сказочное, волшебное, и мир изменится.

Бабушка Шура зачем-то вновь стирала вещи и в сотый раз убирала в своей комнате, и учила Тима, как правильно загадывать желание:

— Напиши на листе бумаге, что хочешь получить в новом году, а когда начнут бить куранты, положи лист под скатерть, а в конце года проверишь, сбылось желание, или нет.

Правда, она забывала, что у них не принято было покрывать стол скатертью, обычно еда и фрукты стояли прямо на полировке, так было красивей. Это придумал еще отец, так потом и повелось у них, сидеть за столом без скатерти, но теперь они больше не праздновали Новый год вместе, и все это не имело значения.

Когда Тим был маленький, родители всегда брали его с собой к друзьям, и там он играл вместе с другими детьми, пока взрослые скакали под музыку возле елки и радовались жизни.

Тогда он очень любил Новый год, ему нравился и резкий запах хвои, который шел от большой елки, которую отец ставил в холле, и сверкание елочных игрушек, а как замирало сердце, когда мама с таинственным видом говорила ему: «Тимочка, Дедушка Мороз принес тебе подарок, посмотри под елочкой», и он, с замиранием сердца, вытаскивал из-под елки большую коробку, перевязанную красной лентой, и радостно распаковывал ее, а внутри были или электрическая железная дорога, или пиратский корабль с пиратами на борту, или звездолет с астронавтами, а еще там всегда были всякие вкусности и пахлава, и рахат-лукум, и другие восточные сладости.

Ему нравились и спектакли, и утренники, на которые его возил отец, на которых румяные от мороза и волнения дети разыгрывали на сцене новогодние пьески, или восторженно рассказывали стихи. Ему нравилась вся эта суеда, бенгальские огни, грохот петард и хлопушек, нравилось, как взрослые выносили во двор целые ящики петард, и они взрывались, и летели фонтанами звезд в небо, это была радость, и чудо, и все!

Но теперь он отказывался ездить с мамой к ее приятелям.

Так обычно вдвоем с бабушкой они и коротали новогоднюю ночь у телевизора, наблюдая на экране телевизора счастливые лица аниматоров и поп-звезд, всяких клоунов, и ведущих, которые радовали больше сами себя, и так натужно смеялись, что смотреть на них было скучно.

Обычно Тим дожидался, когда бабушка начинала похрапывать, и, выключив телевизор, уходил к себе, и, лежа в постели, еще долго прислушивался, как во дворе-колодце между высотками взрывались петарды, и эхо разносится по всей округе, как кричали счастливые люди, надеясь на чудо, а по ночному небу носились хвостатые звезды.

Ребята шли домой по узкой, обледенелой тропинке, между синеющими сугробами, которые намело за последние дни столько, что уборочные машины едва справлялись с очисткой дорог, а тротуары так и остались в снегу, потому что дворников не хватало.

Девочки оживленно о чем-то спорили, но Тимофей не слышал их разговора, слова относил ветер.

После нескольких репетиций между девочками растаяла взаимная неприязнь: маленькая разбойница, которая приняла сначала в штыки Герду, и это чувствовалось по тому, как она держалась на сцене, вдруг переменилась, то ли по своему желанию, то ли из-за требований режиссера:

— Сыграй верно переход, изобрази, покажи, как тебе становится жалко эту несчастную девочку, и даже муфточку ты ей готова вернуть!

Когда Нина Ивановна, потупив глаза, осторожно поправила Семена Борисовича:

— Но ведь муфточку она все-таки себе оставила.

Тот отмахнулся.

— А, какая разница! Главное — импровизация...

А когда Нина Ивановна перед самым Новым годом, вся в сомнениях, вдруг заикнулась: «А не слишком ли ребята взрослые для этой сказки?»

Семен Борисович так огрызнулся, что она промолчала весь вечер и уже больше никогда не обращалась к нему с подобными вопросами.

Сложности у режиссера были только с Каем.

Против воли, он взял-таки Куницына на роль, и вроде бы тот подходил: невысокий, меланхоличный, бледный, — но только он совсем не умел играть и двигался на сцене, как робот. Сколько Семен Борисович не бился, пытаясь его растормошить, все было напрасно.

Тим оглянулся, когда девочки рассмеялись: «Уж не надо мной ли?», и вдруг его поразило нечто в них общее. Это было так удивительно! Тем более что внешне они были совсем разные: Вита яркая, остроумная, всегда модно одетая, а Вера простодушная, доверчивая, порывистая, но сейчас, в своих куртках-эскимосках они выглядели, как близняшки.

Замешкавшись, он неожиданно поскользнулся, взмахнул руками и чуть не упал.

— Эй, держись! — помогла ему устоять Вера.

У дома, в котором жили девочки, они остановились.

Вновь повалил снег.

— Ну, пока! — махнула рукой Вера.

— До завтра, — кивнул ей Тим.

— Пока, — бросила Вита приветливо.

Вера зашла в подъезд, чувствуя сильное желание последить за ними, но удержалась, хотя далось ей это непросто.

Сперва, когда Семен Борисович повышал голос, требуя, чтобы она изображала радость от общения с Витой, как диктовала роль, она внутренне противилась этому, а потом привыкла, и даже стала переигрывать, и ему уже приходилось ее останавливать: «Спокойней! Детка, проявляй сдержанность!»

Она делала вид, что не понимает, отмахивалась и восторженно восклицала, когда они были вместе с Витой на сцене:

— А вот и мой старичина бяшка!

И тянула за воображаемые рога Тима, который играл привязанного к стене северного оленя в блестящем медном ошейнике.

— Его тоже нужно держать на привязи, иначе удерет! Каждый вечер я щекочу его под шеей своим острым ножом — он смерть этого боится! — бросала она радостно через плечо Вите, игравшей Герду.

И Тим шарахался от ее руки, и все смеялись.

За несколько шагов до подъезда Вита разбежалась и покатила по намерзшему льду. Тим покатился следом, но не рассчитал скорости, налетел на нее и они вместе повалились в сугроб.

При падении Виту развернуло, и она оказалась на нем, капюшон куртки съехал, волосы ее распушились, выбились из-под шапочки.

Тим дернулся и невольно коснулся губами ее щеки, это было так неожиданно, что он отпрянул, а она рассмеялась:

— А вот и мой старичина бяшка!

Мерцали фонари, кружились снежинки...

«Ну, чего же ты ждешь?!» — казалось, вопрошали глаза её, нависая большими черными сливами... мгновение, и вот она уже поднялась, и, отряхиваясь, с насмешкой бросила:

— Поднимайся, а то замерзнешь!

— Зайдешь? — спросила она, взявшись за ручку двери.

— Да я вообще-то...

— Родители в Москву по делам уехали, идем, а то мне одной скучно.

— А про Мексику расскажешь?

Она рассмеялась.

— Вот наше временное пристанище, — развела Вита руками, когда они вошли в гостиную с плазменным телевизором в полстены.

— Располагайся, — кивнула она на белый кожаный диван.

Все сверкало такой чистотой и комфортом, что Тим, взглянув на свои мокрые джинсы, невольно засомневался, стоит ли ему садиться.

— Да расслабься ты, «рилэкс»! — легонько толкнула она его, отчего у него екнуло сердце, и он бухнулся на диван, почувствовав, как диванная подушка приняла форму его тела.

— Смотри, что нравится, — протянула она пульт от телевизора, и заглянула в бар, встроенный в стенку напротив.

— Слушай, а чего ты ищешь?

— Да ликер, чтоб согреться... — обернулась она, улыбнувшись. — Видать, мамуля захватила в офис, — она задумалась на секунду, — а давай, я глинтвейн сделаю, классная штука!

— Да, лучше глинтвейн, только добавлю корицы побольше... а здорово ты оттаскал тогда Макса, и правильно, крутит отстой. Да, досталось тогда Куницыну. Кстати, чего он не здоровается? Обиделся, что ли?

— Да я...

— Странно, не знаешь, у него есть кто? — задумавшись, она скользнула по Тиму взглядом.

— В смысле?

— Ну, он встречается с кем-то? Интересный же парень, модный, продвинутый, все при нем.

Тим почувствовал вдруг, что ему стало все безразлично, ему захотелось вот сейчас, немедленно подняться и уйти, и только любопытство заставило его остаться.

Он включил телевизор и, прислушиваясь, к тому, как она гремит посудой на кухне, смотрел на жизнь счастливых голландцев в Амстердаме.

Он смотрел бездумно на экран, и чувствовал себя будто в кино, будто все происходило не с ним.

Ощущение это не покидало его и тогда, когда Вита, переодевшись в восточные шаровары, желтую, расписанную синими цветами, длинную шелковую рубаху, с широкими рукавами, поставила поднос на журнальный

столик, уселась напротив на белый, пушистый ковер, в котором нога утопала, чуть ли не по щиколотку, — такая близкая, улыбчивая, с распущенными волосами, которые красиво волнами ниспадали ей на плечи.

Ему казалось, что все происходит не с ним, не в реальности... и тогда, когда она поставила на журнальный столик поднос с двумя чашками, на которых были изображены японские девушки в кимоно с зонтиками, от которых поднимался приятный запах, и тогда, когда она сказала, улыбаясь: «С наступающим!», и они чокнулись, и чашки красиво протяжно зазвенели, и он, услышав, как она сказала: «Настоящий фарфор», обжигаясь, сделал маленький глоток, и почувствовал терпкий, сладковатый вкус во рту, смело взглянул ей в глаза, и подумал: «Так вот ты Вита какая... и кто тебя стоит в нашем захолустье? Кто тебя стоит?»

Желтый цвет шелковой рубахи оттенял ее бледность, и когда он почувствовал, как приятное тепло растекается по всему телу, она вдруг предложила, прямо взглянув на него потемневшими глазами, с такой, как ему показалось, скрытой полуусмешкой.

— Потанцуем?

И нажала несколько раз на кнопки пульта, экран погас, а комната наполнилась солнечными звуками блюза; музыка будоражила и звала туда, где он еще никогда не был...но он продолжал сидеть будто цепenea во льду, и когда она, с недоумением взглянула на него, он вдруг произнес, чужим голосом:

— Слушай, что-то не хочется, вломак, честное слово. В другой раз, ладно?

И он заметил, как лихорадочный румянец стал покрывать ее лицо, скривились капризно губы, и выражение недоумения сменилось напускным равнодушием.

Он не понимал, почему так себя ведет, чувствовал, что ведет себя глупо, по-детски, но что-то заставляло его поступать так, а не иначе, и он ничего не мог с собой поделать, не мог уже ничего изменить, ничего.

«Разве я песик, который бежит к своей хозяйке по первому зову, разве она моя хозяйка? Или она думает, что здесь все перед ней будут стелиться и целовать ей кончики пальцев? А даже если и так, даже если она самая красивая, и самая лучшая, пусть знает, что для меня она никто, никто, никто...и я никогда не покажу, что она мне нравится, да, очень нравится, что я влюблен в нее, до потери пульса... потому что кто я для нее, еще один шут, которого она вскоре забудет, и забудет, как звали его, но пусть она запомнит, что мне она совершенно по фиг, пусть так и знает».

Мысли прыгали у него в голове, цепляясь одна за другую, и он не расслышал, когда она тихо произнесла.

— Другого раза не будет...

— А? Что ты говоришь? — переспросил он, вытирая о джинсы вспотевшие ладони.

Но она не ответила, а встряхнулась, волосы рассыпались у нее по плечам, и сказала бесцветным голосом, хотя грудь у нее вздымалась. Он это заметил.

— Слушай, ты не мог бы попросить Юрку, чтобы он мне позвонил!

Тим, который допивал глинтвейн, поперхнулся, закашлялся, и кашлял целый час, наверное, аж слезы из глаз брызнули.

А она спокойно стояла и ждала, когда он успокоится, на бледном лице у неё горели пунцовые пятна, но теперь она была далеко.

— Юрку? Какого?!

— Куницына.

— А самой тебе что, слабо? И почему ты меня просишь об этом?

— Понимаешь, он тебя уважает, и всегда прислушивается к твоему мнению.

Она роняла слова с деланным равнодушием.

— Угу, хочется верить... — выдавил он из себя.

— Я сама слышала, как он говорил, что у тебя не мозги, а компьютер, и память феноменальная, и ты же отвязный, так все говорят. Слушай, тебе же это ничего не стоит, и я тебе доверяю, почему не знаю. Удивительно, но мне кажется, что я тебе могу доверить такие тайны, которые больше никому не доверишь... А Юрка, он глупый, он хочет все сразу, а я же девочка, как я могу, понимаешь? А, Тим? Мне кажется, ты-то меня понимаешь, ну, чего ты молчишь? Скажи что-нибудь!

Глаза у нее лихорадочно блестели.

Тим молчал.

Такого поворота он точно не ожидал. И хотя ему казалось, что она говорит все это от обиды, — он молчал.

А ее теперь было не остановить, она рассказывала ему, как сразу заметила Юрку, и что девчонки одни сплетницы и завистницы, она им не доверяет, а мальчишки хорошие, она это поняла еще тогда, когда училась в посольских школах.

Тим сидел, как обваренный кипятком, и все порывался прервать ее излияния, со всей грубостью, на какую был способен, он хотел крикнуть ей в лицо: «Ты, дура набитая! Ты что предлагаешь мне быть сводней?!»

Но что-то удерживало его от этих слов, и он только кивал, смотрел сквозь нее, горячая слюна мешала ему проглотить, и странная фраза, непонятно откуда взявшаяся, — «терпение вола» сверлила ему мозг, как шило. И он вспомнил, что эта фраза из письма Ван Гога, которое ему часто читал отец...

— Договорились! — оборвал он её и поднялся.

Она сразу примолкла.

В коридоре он никак не мог попасть ногой в ботинок; она, молча, подавала ему рожок для обуви, молча, закрывала за ним дверь, и он вырвался на лестничную площадку, и, спотыкаясь, начал сбегать по ступенькам, и еще услышал, как она бросила ему в спину:

— Так ты ему обязательно позвони, обещаешь?

— Да! Обещаю! — бросил он, не поднимая головы, когда поворачивал на лестничный пролет, а она стояла в двери, такая вся красивая, далекая и чужая.

Возле подъезда стоял джип «Паджеро», из которого выплескивалась в морозный вечер громкая музыка.

Опустилось окно, и показалась счастливая Глобова.

— Эй, Тим, привет!

— Привет! — отозвался он, застегивая куртку.

— Айда с нами в «Галактику»! Братуха заскочил на денек из Питера, — выставляется.

Тим инстинктивно оглянулся.

— Давай, залезай!

В машине было тепло и уютно, и он снял шапку.

— Познакомься, это Кирилл, — бросила через плечо Светка, качая головой в такт музыке.

Тим протянул руку, но рука так и повисла в воздухе.

— Кирилл, — кивнул ему небрежно парень лет двадцати, выстукивая пальцами на руле мотив в такт рэпу, который оглушал, и приходилось кричать, чтобы услышать друг друга.

— А что ты здесь делал? — повернулась Глобова, хитро прищурившись,
— только не говори, что помогал Витке писать сочинение.

— Угадала!

— Ясненько! А, может, вы и целовались уже, а? — хохотнула она.

Ему не понравилось, как она это произнесла, но он смолчал.

— Кирюша, ну, чего сидим-то? — повернулась она к брату.

— Вот, сейчас уже едем!

Из соседнего подъезда вышла девушка в оранжевой дутой куртке и села в джип с другой стороны.

— Маня, как ты? — бросил через плечо Кирилл, включая двигатель, и они плавно двинулись с места.

— Все сдала, только грамматист мозги компостирует, а это кто еще с нами?

— Тимофей, мой одноклассник — лучший танцор в школе! Да, Тим? — иронично заметила Глобова.

— Иди ты! — отмахнулся он.

Светка вела себя раскованней, чем обычно.

— А-а, — протянула девушка, скользнув по нему равнодушным взглядом.

У него зазвонил телефон.

— Тебя где носит? — услышал он в трубку осипший голос бабушки, которая накануне простудила горло, выпив стакан молока из холодильника.

— Я у папы, — соврал он.

Он всегда так говорил, когда хотел, чтобы от него отвязались.

Отец принципиально не пользовался мобильными телефонами, интернетом, считая, что «цивилизационные штучки» превращают людей в зомби; стационарного телефона в мастерской тоже не было, и, чтобы его позвать, приходилось звонить соседям, что мама и бабушка делали только в

особых, из ряда вон выходящих случаях, поскольку им, видите ли, «было стыдно».

— А-а... Что там у вас происходит?

— Да у папы гости...

— Гости, перемывают кости, — недовольно просипела бабушка. — Ладно, не задерживайся, а то мы с мамой волнуемся.

Когда они ехали по ярко освещенному проспекту, ему бросилось в глаза много новой рекламы: «Глухарь Три», «Сваты Пять», «Братаны Два», почему-то щиты с этой наружной рекламой были огромными, по сравнению с тщедушными улыбчивыми Дедами Морозами на усыпанных звездами окнах магазинов, предлагающих дешевую распродажу.

— В какое замечательное время мы живем! — заметила Маня, когда Кирилл приглушил музыку. — Глухари сватаются к братанам, — прелесть! Не жизнь, а сказка!

— А, не парься! — бросил ей через плечо Кирилл, поворачивая на перекрестке. — Вот, козел, ну, чего стоишь! — накинулся он на водителя «Жигулей», которые заглохли прямо перед ними, на перекрестке.

В «Галактике» праздновали двадцать лет со дня открытия клуба. Юбилей проходил под девизом: «Возвращение космонавта».

На сияющей сцене, в обтягивающих «скафандрах» прыгали девчонки по метр восемьдесят, мерцала рампа, под потолком вращались шары, испускающие разноцветные лучи, в зале крутилась пестрым водоворотом толпа: лица, руки, тела то исчезали в мерцающей тьме, то вновь вспыхивали фосфором, что вызывало необычный галлюциногенный эффект.

Они поднялись по винтовой лестнице на второй этаж и уселись за стол возле металлических перил, откуда хорошо было видно, что происходило внизу, и пока девушки удалились, чтобы привести себя в порядок, а Кирилл,

встретив знакомых, ломался у соседнего столика, Тим наблюдал за толпой, перегнувшись через перила.

— Ба! Какие люди в Голливуде! А ты-то что здесь делаешь?!

Тим обернулся, в двух шагах от него стоял Куницын.

Всегда прилизанные волосы его были растрепаны. Он стоял, обнимая за плечи Вику Шергунову из параллельного 10-Б, известную тусовщицу, которая, как поговаривали, была готова всегда и на все.

« Ловкий чел, везде поспел», — подумал Тим и, стараясь звучать небрежно, сказал:

— Вита просила тебя позвонить, срочно.

— Кто? Кто?! — заорал Куницын, стараясь перекрыть музыку.

Самодовольная ухмылка мгновенно испарилась с его лица, и сейчас у него было такое выражение, будто ему дали по хребту колотушкой.

Тим почувствовал брезгливость и отвернулся.

— Кто? Вита? Когда?! — схватил его Куницын за локоть.

— Пуся, ну, идем! Нас ждут, — тянула его девушка.

— Да, отстань ты! — отпихнул ее Куницын, да так сильно, что она пошатнулась, но не обиделась. Другая, быть может, обиделась бы, — а эта нет.

— Пусенька, пуся, ну идем же... — притворно захныкала она.

Но Куницын уже не обращал на нее внимания.

— А чего она хочет, не знаешь?

— Хочет, чтобы ты шутком попрыгал перед ней! Говорит, что ты супер-клоун!

— Чего?! — захлопал Куницын своими шарами. — Эй, ты полегче...

В этот момент музыка стихла, а потом заиграла вновь, и Тим, помахав им рукой, спустился в холл, и растворился в толпе.

— Слушай, а ты выдал! Классно танцуешь, я же говорила! — заметила с восторгом Глобова, когда он вернулся за стол.

Они заказали всем по коктейлю, и пока Кирилл еще ломался перед знакомыми, девушки, демонстрируя свои длинные ноги, потягивали коктейль через трубочки.

Тим отодвинул фужер.

— Ты чего? — взглянула на него удивленно Глобова.

— Я пас.

— А-а, ясненько, сдулся, — протянула она, — не переживай, мы о тебе позаботимся, правда, Маня?

— Угу, — кивнула та, обдав Тима чарующей улыбкой, и вдруг неестественно рассмеялась.

Он промолчал, заметив, что они вели себя как-то странно: скажут фразу и хихикают, а потом вновь...

Наконец к ним вернулся Кирилл, но, посидев всего минуту, вновь, с деловым видом, стал рыскать по залу.

Вокруг ощущалось броуновское движение: у их столика появлялись незнакомые парни и девушки, шептались с Маней, которая, по всему, была там завсегдатай, и неожиданно исчезали.

Светка вытягивала шею, пытаясь поучаствовать в разговорах, но на нее не обращали внимания, и она нервно сжимала свои большие руки под столом.

Вскоре Тиму стало казаться, что все вокруг ведут себя, как марионетки, актеры немой пантомимы, ему стало душно, и он, как был в одном свитере, выскочил на улицу.

Морозный воздух приятно остужал голову, но вскоре он почувствовал, что у него даже ресницы заledenели, и хотел вернуться, как вдруг заметил «Форд» с маячком, который резко притормозил у входа, и оттуда выскочила Вита: вся такая ладная, сияющая, в собольей шубе.

Следом вылез Куницын, который долго расплачивался с водителем, топчась на своих коротких ногах; его просто распирало, когда Вита взяла его под руку, подстраиваясь под шаг.

Встряхнувшись, Тимофей заскочил в вестибюль, мысли у него совершали бешеные скачки...

На эту квартиру они попали под утро.

Несколько раз звонила мама, потом бабушка, а потом он отключил телефон. Ему было все равно.

Он чувствовал, что у него поднималась температура, но ему было все равно.

Из разговоров Тим понял, что квартиру снимала сестра Мани, путевая такая блондинка из модельного агентства «Рококо», единственного в городе, её фотки были развешаны по всей квартире.

Она отдыхала в Эмиратах с каким-то турком, мини-олигархом, а квартира была на попечении Мани.

Судя по всему, она справлялась с обязанностями хозяйки отменно, об этом можно было судить и по горе немытой посуды в раковине, и по куче целлофановых пакетов, забитых мусором, лежавших внавал у стены, но ему было все равно. Здесь ему нравилось.

Он сидел один на кухне и ему слышно было, как они там ржут и топают за стеной под блеянье разбитного поп-идола, который, как в бубен, долбил рефрен песни: «Размер не имеет значения! Размер имеет значение...»

Тим пил крепкий чай без сахара, потому что сахара не нашел, чай был вкусный, терпкий и почему-то ему казалось все приятным радужным сном, хотя мозги у него работали четко и ясно, он видел все, как через увеличительное стекло.

Несколько раз забежала разгоряченная Светка и тащила его за собой, но он упирался.

— Сейчас, дай, посижу немного, — вырывался он, а она фыркала и убегала.

За окном брезжил морозный рассвет, а он все смотрел на книжку, которую забыл кто-то на столе, на обложке было всего два слова: «Марк Аврелий». А потом он открыл ее и сразу наткнулся на фразу: «Начинай сейчас жить той жизнью, которой ты хотел бы видеть ее в конце».

Он сидел, пил чай, размышляя над фразой, смысл которой озадачил его и спрашивал себя, хотел бы он жить такой жизнью через сто лет, которой живет сейчас, и не находил ответа.

На кухне периодически появлялись новые гости, которых он никогда прежде не видел, но ему было все равно.

Один раз с Маней зашла девушка, с красивыми лиловыми глазами, в розовом пуловере, они немного поболтали об экзаменах в институте, а потом приятельница Мани, ее звали Ника, перегнулась через стол и неожиданно чмокнула Тима в нос:

— Ты чей? — рассмеялась она.

— Я ничей, я найденыш.

Она смешно наклонила голову набок, разглядывая его.

— Он с вами? — спросила она Маню.

— Светкин одноклассник, — махнула та небрежно рукой и отбросила со лба прямые черные волосы.

— Симпатюля, чего скучаешь? Иди к нам! — позвала незнакомка, но в этот момент из-за двери появился зализанный блондин, с масляными глазками, со словами: «Ирка, ты где пропала?»

— Ну, иди, давай! — подтолкнула её Маня к нему.

А потом хлопнула в последний раз входная дверь, и все стихло, и тишина стояла, как вода в аквариуме, и он вскоре уснул, с книжкой в руке.

Первый раз он проснулся, лежа в неудобной позе, на кухонном диване, когда кто-то накрывал его пледом и задергивал шторы, а второй раз от звона посуды и сильного запаха кофе.

Он вскинулся, отбросив плед; яркое морозное солнце слепило.

Маня стояла спиной к нему в домашнем халате и варила в турке кофе.

— Проснулся? Вот и хорошо, а то нам по делам ехать нужно, — бросила она вполоборота.

— Ага, сейчас.

Он потер затекшую шею, отхлебнул из чашки, которую она поставила перед ним, и прижал ладонь к губам.

— Да не торопись ты, время есть, вот конфеты в коробке, угощайся.

— Спасибо, — кивнул он.

В этот момент, шаркая тапочками, вошел на кухню Кирилл, в волосах у него был пух от подушки.

— А... ты здесь? — поскреб он волосатые грудь и живот, отхлебнул из чашки Мани, поморщился, и бросил Тиму: « Там Светка в гостиной, будь другом, проводи ее, а?»

— Угу, — кивнул он, глотая кофе, и чувствуя, что жар у него усиливается.

В гостиной под тонким одеялом, лежала, свернувшись калачиком Глобова.

Он растолкал ее.

Светка приподнялась на локте, не понимая спросонья, где она, и что с ней.

— Ну как ты?

— Не переживай, — раздражено откинула она одеяло, ойкнула, и вновь укрылась.

Тим пожал плечами и подошел к окну.

На улице мела поземка.

— Ну, что, доволен? — бросила ему в спину Светка, одеваясь.

— Ты о чем? — спросил он, не оборачиваясь.

— Выпендривается еще! Я думала, что нравлюсь тебе, а ты меня бросил, а ко мне пристал этот тип, с серьгой?

— Кто-кто?

— Да иди ты... в пень!

Пнула она диван.

Глобова встретила с ним взглядом. Казалось, она вот-вот расплачется.

«Ни тебе романтики, ни цветочков...» — подумал он, но эта мысль была мимолетной и вялой, жар медленно кружил его.

Он больше ни к кому не испытывал жалости.

На улице мело, не переставая. Снег налипал на деревья, на ресницы, таял на щеках, транспорт почти не ходил.

Они потоптались на остановке, а потом, пройдя несколько кварталов, так продрогли, что, не сговариваясь, зашли в бар «Эстрелито» на углу Бунина и Советской.

Они были первые посетители и заняли лучшее место у окна, с видом на площадь.

Светка выглядела подавлено.

Тим помалкивал, испытывая неловкость.

— Хочешь чего-нибудь для согрева? — спросил он.

— А нам дадут?

— Да ладно тебе, на нас что, написано, сколько нам лет?

— Хочешь сказать, что я выгляжу, как старуха?

— Нет, — как принцесса...

— Тренди, тренди, умник! Какими же вы можете быть занудами!

Светка ожила.

— Нет, чтобы все по-простому, по-человечески, нет, — вам все усложнять надо, замучивать, мозги себе и другим парить.

— Свет, ты о чем?

— О тебе, о тебе, — не воображай, что удастся спрыгнуть.

— С чего спрыгнуть-то? Поясни!

Она отхлебнула из фужера, глаза у нее заблестели, и она заговорила громче.

— На, сделай глоток, — протянула она коктейль, а то говорим вроде по-русски, а будто на разных языках.

— Ну, давай, — пригубил он и почувствовал, как его сразу потрянуло, а все вокруг стало казаться радужным и красивым, и Светка стала красивой, и мексиканец с гитарой на дальнем панно стал ему улыбаться.

В баре включили музыку, и ему стало казаться, что он сейчас не в заснеженной России, а где-то в Южной Америке, и когда он смотрел на снег за окном, ему все казалось нереальным красивым сном, и он вновь вспомнил об ацтеках: «И как, и куда они только исчезли, непонятно?»

— Спрыгнуть с вот этой жизни, — кивнула она за окно.

— А почему ты решила, что я хочу спрыгнуть с «этой вот» жизни?

— Ну, как почему? — распалялась она. — Ты же не с кем не водишься, делаешь вид, что тебя ничего не касается, типа «чик-чирик я в домике».

— Светочка, ты слишком громко говоришь, сбавь тон...

Несколько утренних посетителей, заскочивших в бар, оглядели их с осуждением, а один раз на Тима выразительно посмотрел бармен, и он поднял руку, как бы жестом показывая, что все нормально шеф.

— Тебе что, стыдно, когда тебе говорят правду, или ты боишься?!

— Послушай, я ничего не боюсь, и почему мне должно быть стыдно.

— А то, что я, например, как дура, уже почти полгода делаю все, чтобы ты обратил на меня внимания, чего только не делаю... а Верка, да ее щенячье поведение и слепой от рождения заметил бы. Всем уже надоело прикалываться над вами!

— Над нами? Почему над нами?!

— По качану! Ты куда смотришь все время? — оглянулась она.

— Да, вон, чудак мне подмигивает.

— Какой еще ...

— А вон тот, с гитарой, на стене. Я вот думаю, куда исчезли ацтеки и их император Монтесума Второй, как это вообще горстке испанцев и рыжебородому Кортесу удалось стереть в порошок целый народ...

— Слушай, ты что, точно того, или прикидываешься? Девчонка тебе, можно сказать, сердце открывает, а ты выпендриваешься! Ты лучше с Виткой так выеживайся, понял! А мы не дипломаты, можем и захватить!

— Да тише ты, успокойся!

— Конечно, — обиженно продолжала она, — кому мы на фиг нужны? Вам только красивеньких подавай, в упаковочке.

— Света, ты красивая, правда, — сказал он абсолютно искренне.

— Да? Красивая? А ты бы меня мог полюбить?

Он промолчал, разглядывая ее.

— Послушай, ты распускаешь нюни из-за пустяков. Да и что во мне такого особенного? Что? Я самый обыкновенный. Слышала, что Ниночка Ивановна сказала: «У вас слишком простое лицо». Простое, понимаешь,

простое. И чего ты крестягу на себе ставишь? На фиг никому не нужны... Заладила! Да вы лучшие, понимаешь, лучшие!

— Ага, тебе хорошо говорить, ты пацан, а вдруг я забеременею, что тогда?

Вопрос поставил его в тупик.

— А хочешь, я найду этого типа и набью ему рожу при всех, и заставлю его перед тобой извиняться, хочешь!!?

Тим почти закричал, и почувствовал, как фужер треснул у него в руке, но боли он не почувствовал.

— Тихо, тише ты! Разошелся, — схватила его за руку Светка и, заметив кровь, быстро прижала ему к ладони салфетку, — дурак! Вот, порезался, жжми руку в кулак.

Она достала из сумочки кусок ваты, ловко наложила ему на порез, и туго замотала ладонь своим душистым белым платком.

Подошел официант, с плоским деревянным лицом, и, повертев треснутый фужер, смахнул со стола крошки грязной тряпкой и уныло произнес:

— За бой с вас еще сто рублей.

— Лады, а где это ты так наблатыкалась? — спросил Тим, кивнув на повязку.

— У меня же мама медсестра.

— А разве она не главврач в детской поликлинике?

— Да нет, самая обычная медсестра, в роддоме работает, Кирилл мой сводный брат. Отец у него крутой, в Питере автосалон держит.

Тим долго переваривал это, а потом вдруг спросил:

— А хочешь, я после школы женюсь на тебе?

— Ты чего? Совсем... спятил, что ли? — отодвинулась она.

— А чего, мне кажется ты хорошая, а одному скучно, и еще...я ведь тоже никому не нужен.

— Ты?

— Да я, мама сама по себе, бабушка сама, отец живет отдельно, у меня один только Гоша да Фимка, да еще пару пацанов с гребли, а ты говоришь...

— А кто такой Гоша?

— Попугай.

— А...

— В этом городе, — кивнул он через окно, — наверное, никто никому не нужен, понимаешь? И у всех у нас одна перспектива, — танцевать с балалайками и медведями на потеху публике.

— Да ладно тебе, вот, поступишь в институт, уедешь в Питер или Москву, станешь толстым, счастливым богачом или начальником, а нас и забудешь, как звали.

— А что у меня есть, какие таланты?

— Ну, ты же умный, так все говорят.

— Та, чепуха. Разве что в клоуны податься...

— В клоуны?!

Мокрый снег налипал на окно, оставляя на стекле белые пушистые блямбы, быстро таял, и по стеклу текли косые ручейки, в которых отражалось тусклое солнце. На рассвете солнце было яркое, а теперь — тусклое, — висело в небе, как желток.

— И чего во мне интересного, скажи, только честно? — спросил он.

— Разве это объяснишь, — протянула она задумчиво, глядя на него.

Улыбнувшись, он встретился с ней взглядом и сказал проникновенно, взъерошив волосы.

— Светка, я тебя очень люблю...Слушай, если хочешь, я найду его.

— Ребятки, вам, наверное, пора прогуляться, — подошел к ним администратор.

И Тим повернулся к нему со словами: « А это не он случайно?!»

Но Светка уже тащила его за собой к выходу.

— Светик, — я люблю тебя! — крикнул он на весь бар.

— Я люблю тебя! — продолжал он кричать на улице, и прохожие улыбались.

— Я люблю всех, и тебя, и небо, и море! — кричал он.

— Какое море? Где ты море-то здесь видел!?

— Я видел море, Светка, я видел море, — представляешь, — схватил он ее за молнию на куртке, — представляешь?

— Ладно уж, представляю, давай по домам.

— Тетенька, а Вы видели море? Светка, а чего она так шарахнулась, а?

— Тим, кончай свои штучки!

— Светочка, я тебя люблю, и всех, понимаешь?

— Да, да, понимаю, — держала она его под локоть, пока останавливала такси.

— И мы поженимся после школы... Ты согласна? Нет, скажи, ты согласна?

— Да, я согласна! Залазь уже!

Они сели в «Форд», который, как ему показалось, он видел накануне вечером, у «Галактики».

В такси резко пахло освежителем воздуха, и Тим несколько раз чихнул, а потом у него потекло из носа, и он утирался платком, которым его повязала Светка, и руку все время подергивало и саднило.

Таксист криво усмехнулся и заметил:

— Что, празднуете Новый год уже?

— Дядя, приглашаем тебя на свадьбу, — наклонился Тим, пытаясь заглянуть ему в лицо, но машину подбросило на выбоине и его откинуло на сиденье.

— Угу, приду обязательно, а когда свадьба-то?

— В конце мая.

— Чего в мае-то, зачем откладывать? — подмигнул он в зеркало заднего вида.

Когда они выбрались из такси, Светка усадила Тима на скамейке, в парке, недалеко от дома, и, чмокнув его в щеку, укатила на «Форде».

Он посидел немного, а потом его стало мутить, и он поел снега, хотел скатать шар, но стоило ему нагнуться, какая-то сила потащила его к земле, и он прилег, наблюдая, как снег закручивается над рекой в высокие снежные вихри.

Спустя какое-то время он поднялся и, осторожно ступая по скользкому снегу побрел в сторону театра.

Неожиданно из-за сугроба появилась Фимка и, с залиvistым лаем, подскочила к нему.

Он присел, погладил ее по обледеневшей шерсти, поцеловал в морду, и сказал: «Ну иди, иди к себе, давай, смотри, холодрыга какая!»

Но Фимка не хотела уходить, видно, соскучилась, да и щенки ее подросли, и она теперь вновь была весела и свободна, и, вспоминая с благодарностью вкус сладких косточек, которыми ее подкармливал Тим, крутилась возле него, жалась к ногам, а потом увязалась за ним и не отставала ни на шаг, пока он шел к театру.

На час дня была назначена последняя репетиция, и Тим хотел попасть на нее вовремя.

Ветер изменил направление и дул навстречу, мороз усилился, и колючий снег обжигал лицо.

Он оглянулся, над рекой закручивалось в спираль снежное облако, и вдруг на этом облаке показались сани, и ему почудилось, что на них восседала снежная королева...

— Галюны уже, да, Фимка? — потрепал он собаку по шее, и, надвинув шапку на лоб, заторопился к показавшемуся в снежном мороке зданию театра.

Он невольно еще раз оглянулся, но теперь до самого горизонта висела сизая пелена.

Через приоткрытую дверь запасного выхода Тимофей проскользнул в здание театра, Фимка семенила рядом, обнюхивая паркет, который пах мастикой.

Фимка была умная собака, повидала всякое, и всегда была начеку. Она знала, когда можно было расслабиться, растянувшись, как шкура на полу, а когда уносить ноги. Она умела быть незаметной, поэтому никто даже не догадался, что в театре была собака.

Театр был тих и пуст в этот час, только в фойе, отчего-то переговариваясь шепотом, тихо сновали технички, да охранник, позевывая, уныло озирался по сторонам.

Тим и Фимка быстро поднялись по лестничному пролету на второй этаж, — им повезло: комната, где хранился реквизит и костюмы, была открыта.

Тусклый свет пасмурного дня едва струился через окно; вокруг все было навалено, как попало: костюмы, маски, игрушки, куски материи.

Здесь же в своем шкафчике, который запирался на ключ, Тим хранил маску мага Дождя.

Он прилег на шкуру медведя подальше от окна и, укрывшись с головой цветной попоной, задремал, чувствуя сильный озноб.

Фимка устроилась рядом, уткнувшись мордой ему в колени, и, посапывая тоже задремала... и ему снился сад, и почему-то Вера, и как они лежат на траве, взявшись за руки, а вокруг носятся белые и розовые лепестки цветов.

А потом ему снилось море, и слышался плеск волн, и виделся яркий блеск изумрудной воды... и он лежал на пляже, утомленный, в дремотной неге, а рядом вновь была Вера, она пела английскую балладу, глядя на море, а потом что-то говорила ему, улыбаясь, и легкие холодные пальцы гладили его по затылку. Так, как снег. И это был сон, или явь, или что-то другое, что-то другое... Но вот, во сне рядом забубнили голоса, и, просыпаясь в теплой дреме, он инстинктивно зажал пасть Фимке, которая порывисто дернулась, но затихла, подчинившись его воле, и он разобрал вдруг:

— Петарда взорвется, он испугается, ступит ногой в краску и упадет, — представляешь, что будет! — ожесточенно шептал один.

— Представляю... — кисло ответил другой, голосом Васьки Лысая.

— Что, струсил!? — продолжил первый, голосом Куницына, — это же просто хохма, понимаешь? Никто и не узнает ничего, ну, споткнется парень на сцене, ну, лажанется, когда грохнет петарда, ничего, пусть не выделяется, Вита говорит: «Очень уж мальчик возомнил о себе».

— Так это что, — она предложила? Да ты гонишь! — удивился Лысай, и Тим представил, как у него вытянулось узкое, как топор, лицо.

— Сам ты гонишь!

— Слушай, а мне какая выгода? Если поймают, мало не покажется. Схлопотать можно по полной, сам понимаешь!

— Я тебе планшетник новый подгоню.

— Не-е-ет, — заблеял Лысай, — это ты лохам втюхивай, а мне посуущественней что предложи, иначе я и пальцем не пошевелю, да и вообще...

— Что вообще?! — повысил голос Куницын.

— Так, ничего, — чего орешь? Еще услышит кто.

— Да еще рано.

— Так вот, лавандос заплатишь наличными, понял?

— Сколько?

— Шестьсот баксов.

— А не много ли?

— За такое дело — самый раз.

— Ладно, согласен.

— Но это не все.

Повисла пауза. Тим почувствовал, как Лысай замялся.

— Познакомь Витку с братухой, он юрфак кончает, хочет стать помощником депутата или типа того, прикинь.

— А она-то причем?

— Да ладно тебе, кукла вся в шоколаде, для папика один звонок и все, а тебе-то стоять будет, — чмок-чмок, один поцелуй, хы. Тогда заделаем все чики-пуки! Никто не догадается. Сделаем из них «твикс» в шоколаде, сладкую парочку, пусть облизываются... — тараторил Лысай.

— Я постараюсь, — протянул недовольно Куницын, — но ничего не обещаю. А ты держи язык за зубами, понял?! А то нас спалят еще.

— Мое слово кремень, сам знаешь.

— Кремень, пельмень, — передразнил его Куницын, — хоть балбень, чтоб не случилось, я не при делах, понял?!

— Угу, договорились.

В этот момент за дверью послышалась возня, кто-то пытался открыть ее ключом.

Раздался возмущенный голос охранника:

— Почему дверь открыта? А вы что тут делаете?!

— Мы, мы роли повторяем, — быстро нашелся Куницын.

— А ну, марш отсюда! Репетируйте в другом месте.

Послышались торопливые шаги по коридору, щелчок замка...

Тим мгновенно вскочил, поняв, что оказался в западне, — оконные рамы были заколочены изнутри.

«Да, — думал он, — вот и проявил себя Парикмахер, но мы ещё посмотрим, чья возьмет!»

Ярость качнула его к окну, внизу была гора строительного мусора, покрытого снегом и наледью.

Он быстро и ловко отодрал раму, замотался шарфом, вытолкнул, скулящую, Фимку, которая, испуганно лая, приземлилась и заскользила вниз на лапах, следом прыгнул сам — неудачно приземлился на левую ногу, скатился кубарем к основанию мусорной кучи, вскочил и побежал, прихрамывая, к центральному входу.

На генеральной репетиции все играли в костюмах.

Тим был в штанах и куртке серого цвета, которые были ему впору, а вот бутафорские картонные рога давили, потому что шапку сделали не по размеру, и еще картон прошили изнутри, и он царапал голову; давала себя знать и боль в лодыжке, но он терпел, лихорадочно соображая, что задумал Куницын, и говорил невпопад, а режиссер вскакивал и поправлял его:

— Тимофей, соберись, ну же, внимательней!

Ребята старались изо все сил, чтобы проявить себя.

Без запинок, они выдавали свои реплики: и даже Митяй, который играл разбойника, и Савва, который играл злого тролля, не говоря уже о Виточке, которая внешне блистала.

Но теперь, взглянув на нее незамыленным взглядом, Тим разглядел, насколько плохо она играла. И дело не в том, что она фальшивила, — просто

вся ее внешняя красота, как только она открывала рот и говорила невпопад, расползалась, как бумажное платье под дождем.

Она наобум топала ногой, размахивала руками, деланно улыбалась, но самое смешное, — сама она этого вовсе не замечала.

Парикмахер был ей подстать.

Но Тиму было теперь все равно, а еще ему было совершенно «фиолетово», как он сам играет, и это было настолько заметно, что режиссер переполошился.

Сразу после репетиции он подскочил, по-приятельски, положил ему руку на плечо и обратился, с самым доверительным тоном.

— Тим, идем, выпьем по чаю, разговор есть.

Тимофей хотел было улизнуть сначала, но остался, хотя мысли его были далеко.

А Семен Борисович совершенно по-своему воспринял его взгляд, и, улыбаясь, вдруг сказал:

— Забудь о ней, парень, она не стоит тебя, а вот другая... тут стоит присмотреться, верь мне, я кое-что повидал на своем веку, —дохнул он на него мятой, перебирая курчавый волос на подбородке, и Тимофей, который сперва опешил от такого предисловия, вдруг поймал себя на странной мысли, что ему очень хочется его побрить.

— Да, по-моему, ты и сам прозрел, так мне ка-ажется, — будто издалека улыбнулся Семен Борисович, — или я ошибаюсь?

— Она же красивая, — тихо произнес Тим.

Он высвободил плечо из-под руки режиссера, когда они поднимались по лестнице.

— Знаешь, — продолжил режиссер, когда они устроились возле круглого железного стола, на изогнутых ножках, — сейчас это такой попс,

мода, детей в артисты отдавать... кино, театр. Они думают, что за деньги можно купить талант, вдохновение.

— Да, но ...

— Но я собственно не об этом. Тебе надо собраться, — он отхлебнул из чашки и поморщился. — И это «Американо»? — оглянулся он на буфетчицу. — Да уж, — окинул он унылым взглядом обстановку, — здесь мало что изменилось со времен первоначального накопления.

Он вновь взглянул на Тима, одарив его приторной улыбкой.

— Хочешь? — протянул он ему «Орбит».

И Тим закинул в рот драже, и мятный вкус обдал его небо.

— А откуда вы...

— Да уж догадался. Вы ж прозрачные еще, дети... — хихикнул тот вдруг. — Всегда ясные и веселые. А я, как Распутин, с прививкой даю в крови.

— Чего-чего?

— Это я так, к слову. — Он наклонился через стол и похлопал Тимофея по руке своей влажной пухлой ладонью, и Тим невольно отдернул руку.

— Как я тебе завидую, если бы ты знал?!

— Да уж...

Тим на секунду задумался, вспомнив подслушанный разговор, и кровь зашумела у него в ушах.

А Семен Борисович заметил, как потемнело его лицо, но истолковал это на свой лад.

— Эх, как я тебя понимаю... но сегодня забудь об этом. Играй смело, открыто, доверься мне... В тебе есть сила, но ты спишь. Понимаешь? Проснись, — стань джинном, отпусти себя на свободу!

— Джинном?!

Тимофей смотрел на него, с удивлением, не успевая за ходом его мысли.

— Ну да, джинн, понимаешь...джин и тоник ха-ха-ха! Да, понимаешь, в каждом человеке живет его сила-джинн, как в той сказке про Алладина, но не каждый способен ее открыть. А вот ты, кажется, на это способен, как сам думаешь, а?

— Не знаю, — протянул вяло Тим.

Он чувствовал, что жар у него усилился и искал повод, чтобы отвязаться от режиссера.

Но того уже было не остановить.

— Они думают! — воскликнул вдруг Семен Борисович с пафосом, обращаясь к виртуальным «они».

— Они думают, — повторил он, — что мы недотепы. Но мы — художники, мы творцы! И только мы способны подняться над горизонтом!

Посетители буфета, в большинстве своем работники театра, начали оборачиваться и оглядывать их с интересом.

А Тим взглянул на режиссера и подумал: «Зачем он мне это говорит? И почему именно мне, — разве я его друг, приятель?»

— Да, все ложь, — обронил вдруг Тим невпопад, — Вы, взрослые, все говорите, говорите, но все не о том... говорите о высоком, а думаете, небось, только об одном, сколько срубите по итогу, разве не так?

Тим отвернулся и стал смотреть в окно; он так и не притронулся к чаю.

Повисла неловкая пауза.

— Да, милый, ты прав, благотворительностью занимаюсь, продаю талант за гроши, понимаешь, и вот здесь, — повел он рукой вокруг, — да, все ложь, все суэта, ты прав, завидую...увы, увy, понимаешь? — режиссер проникновенно заглядывал ему в глаза, а ведь я тоже хочу любви, понимаешь? А теперь здесь, за тридцать серебряников, да, малый, ты прав, но ...

Тимофей уже не слушал его, ему надоела эта навязчивая откровенность.

На его счастье, в этот момент к ним подскочила радостная и запыхавшаяся Нина Ивановна.

— Ах, вот вы где, а я вас везде искала!

— Нас?! — удивился Тимофей.

— Ну, Семена Борисовича, — исправилась она и покраснела.

— Значит, сделай все так, как договорились? — бросил ему режиссер напоследок.

— Хорошо, — кивнул Тим, и тогда вдруг впервые ему по-настоящему стало страшно и весело.

Когда в конце второго акта, Тим сказал Фимке: «Фас!», а сам решительно ступил из-за кулис за рисованный задник и очутился на слепящей сцене, еще ничего не было ясно.

Мгновение он стоял, щурясь от блеска, пот застыл у него на лбу, и сердце трепыхалось под ребрами, как пойманная птица.

В партере он заметил маму, бабушку, Карлу и директора школы, даже отец пришел, он сидел справа, в седьмом ряду.

По сценарию именно сейчас к нему должны были подойти Маленькая Разбойница и Герда.

Мелькнули умиленные лица родителей и учителей. В предновогодний вечер в театре собрался почти весь местный бомонд!

В партере сидели родители Виты и Куницына, они улыбались, кивали друг другу, делая им одним понятные знаки, и самодовольно озирались по сторонам.

Кай — Юрка Куницын сидел в дальнем углу сцены, как наказанный, собирая из льдинок слово «вечность». Свою роль он почти отыграл, ему

осталось только быть спасенным, и он, силясь изобразить у себя на лице восторженную задумчивость, деланно хмурился.

Мгновение, когда Тимофей появился на сцене, внимание зрителей было обращено на него, но вдруг из-за кулис — с залиvistым лаем Фимка, в маске Мага дождя, и прыгнула на Юрку...

От неожиданности, он свалился со скамейки и начал отбиваться от собаки ногами и руками, дергаясь, как марионетка, но Фимка, и, не думая его трепать. Собака крутанулась на месте и, по одной ей известной причине, метнулась за кулисы.

Оттуда, почему-то издавая странное гудение «у-у-гу-у», с выпученными от страха глазами, выбежал Васька Лысай с ведром в руках.

Смешно перебирая ногами, и посекундно оглядываясь, он неловко зацепился за подол юбки снежной королевы, которую играла Нина Ивановна (со стороны это выглядело так, будто она сделала ему подножку), и растянулся прямо перед ней.

Грохнула петарда, ведро опрокинулось, а он лежал, без движения, прикрыв голову руками и уткнувшись носом в растекающуюся под ним лужу красной краски, которая из зала выглядела, как кровь.

Несколько секунд в театре стояла гулкая тишина, все сначала подумали, что это был такой необычный режиссерский ход.

Но Васька все лежал, и лежал, бездыханный, а «кровь» текла, и текла из-под него...

Именно в этот момент в зале кто-то заголосил: «Убили!! Убили парня!»

И Нина Ивановна невольно дернулась, решив, что возглас относится именно к ней, попятилась, споткнулась, опрокинулась навзничь, — и лежала, закрыв лицо руками, тихо постанывая.

Тем временем Васька неожиданно вскочил, отстранил Виту, которая стояла у него на пути, оставив при этом на её белой собольей шубе «кровавые

следы». Вита завизжала, как поросенок, но Васька мотнул головой и, не обращая внимания на ее визг, и, расставив широко руки, пошел на Куницына, выкрикивая сначала тихо, а потом все громче: «Ну, все...Я тебя сейчас буду кончать!»

Куницын, который все никак не мог подняться, запутавшись в занавеси чертога снежной королевы, рванул, что есть силы, и занавес, с нарисованным на нем ледяным замком, и конструкция с треском и грохотом повалилась на него, погребая под горой картонных коробок и деревянных планок.

— Помоги-ите! — раздался протяжный сдавленный возглас из-под завала.

— Мальчик мой! Спасите его! — воскликнула его мать из партера.

Именно тогда весь в толпе началась паника. Люди кричали и вопили каждый свое.

Режиссер, Семен Борисович, нелепо подпрыгивая, как шимпанзе, бросился на сцену, и стал гоняться за Фимкой, пытаясь прогнать её за кулисы, но собака с громким лаем вдруг сиганула в партер, — и кинулась в ноги матери Виты, которая, увидев перед собой страшную маску, открыла было рот, чтобы закричать, но только захрюкала что-то нечленораздельное.

Отец Виты спрятался за жену, выставив ее, как крепость перед собой, а та все время махала ногой, пытаясь отогнать Фимку, которая почему-то именно ее пыталась укусить за пятку.

В это время Васька Лысай, добравшись наконец до Куницына, вытащил его из-под завала и стал трясти, как тряпичную куклу.

— Это ты во всем виноват! Давай деньги! Деньги давай! — выкрикивал он не своим голосом.

Вита с искаженным некрасивым лицом медленно пятилась за кулисы.

Савва и Сява, переглядываясь, жались к заднику сцены, не понимая, что происходит.

— Вера, идем отсюда, пусть без нас веселятся! — позвал Тим Веру, которая стояла вблизи оркестровой ямы.

— Фимка, ко мне! — скомандовал он и отшвырнул шапку с рогами.

И Фимка, дробно перебирая лапами, взобралась на сцену по боковой лестнице и кинулась к нему в ноги, счастливо виляя хвостом.

Тим снял с нее маску, передал Вере, и сказал:

— Выходи через запасной выход.

— А ты?

— Я сейчас...

Ко всему на городской подстанции, от перегрузки, в этот момент случилась авария, в зале погас свет, — и паника стала набирать силу.

Шум, крики, возгласы неслись отовсюду.

Наконец заработали генераторы, зажглось аварийное освещение, и в синеватом свечении аварийных ламп все принялись толкать друг друга, пытаясь пробиться к выходу. Началась невообразимая давка.

— Помогите! — голосила дородная дама с тройным подбородком, которая загородила проход между рядами, и не двигалась, упершись руками в спинки кресел, а ногами-тумбами в пол, и ее не могли спихнуть даже матерые охранники отца Виты, который прятался за их спинами и кричал в телефон:

— Срочно пришлите милицию в Дом культуры! Срочно!

Набрав другой номер, он кричал:

— Доложите наверх, что губернатор жив, пусть высылают спецгруппу!

Жена его, пытаясь вырвать сына банкира из рук Васьки Лысая, лупила того сумкой по чём попадя, но Васька уворачивался и все тряс, и тряс своего подельника.

Тим не видел, куда делись его родные, только заметил Карлу, которая испуганно выглядывала из оркестровой ямы.

Именно в это мгновение молодцом показал себя директор лица.

Со страшным лицом он метнулся на сцену и громовым голосом заорал:

— Р-равняйся, СМИ-И-ИР-Р-НО-О-О!! Равнение на середину!

При этом он швырнул со сцены Семена Борисовича, который путался у него под ногами, и тот кубарем скатился по боковым сходням и затих в темном углу, охая и потирая ушибленное место.

Команда директора прозвучала среди шума и гомона так неожиданно, что все на мгновение опешили и замерли.

В зале вновь вспыхнул свет, и публика стала жмуриться, и прикрывать глаза от яркого свечения ламп, стыдливо отворачиваясь друг от друга, и, стараясь не замечать, какой у всех был жалкий и растрепанный вид.

Директор стоял на истерзанной сцене как последний герой.

— Сначала выходит галерка, пропустите людей с галерки! Левое плечо — шагом марш!

И люди, глухо ропща, а некоторые, громко выказывая недовольство, что ими командуют, как стадом, безропотно подчинились, и стали медленно выходить из зала, уткнувшись друг другу в затылок.

Директор стоял на сцене, сорвав с себя галстук, и его худая, жилистая шея бугрилась от напряжения.

В это время Карла, озираясь, выползла на четвереньках из оркестровой ямы, и, незаметно прокравшись на сцену, теперь стояла в сторонке, готовая шмыгнуть за кулисы в любой момент.

— Сбежали, как трусы, — трусы! — возмущался Илья Семенович.

Утренний снегопад под вечер сменился поземкой, повалил снег, ветер набрал силу, а к ночи разыгрался буран.

Снег застилал глаза, мело так, что ничего не было видно на расстоянии вытянутой руки; ветер сбивал дыхание, валил с ног, рвал прохудившиеся железные крыши на гаражах, закручивал провода, хлопал дверьми.

Потрясенная публика выскакивала из театра, бросалась к припаркованным автомобилям, но машины буксовали. Всего несколько внедорожников тащились в снежном мороке, сигналив и ослепляя фарами тех, кто, поскальзываясь и падая, брел по шоссе.

Вдоль дороги, где их застигла стихия, стояли потухшие троллейбусы, с обледенелыми штангами, и пустые маршрутки.

— Вера? Вера!? — позвал Тимофей несколько раз, выскочив из театра, но в ответ раздавался только свист и вой метели.

Фимка крутилась рядом, виляя хвостом.

Он обошел здание театра, и в сквере, пробираясь между сугробами, услышал, как позади кто-то тихо ревет.

Под навесом стоял фургон, один из тех, которые он видел еще в сентябре. Внутри фургона возились напуганные выюгой медвежата.

И он вспомнил, что их до сих пор водили по сцене ряженные аниматоры. Вспомнил он и необычный характерный запах, который всегда раздражал его, когда они репетировали: запах мочи и звериного помета, который не могли стереть со сцены ни моющие средства, ни многократная уборка, — запах страха, запах зверей в неволе.

Он подошел к фургону и огляделся: свет тускло горел в пустой дежурке.

Фимка скулила и жалась к его ногам, почуяв незнакомый страшный дух.

Медведи заревели громче, и Тим заметил изумленные глаза одного из них за решеткой.

На мгновенье замешкавшись, он стал решительно взламывать замок.

Навесной замок был большой и тяжелый; порезанная рука распухла и саднила, а медведи, разволновавшись, заревели громче.

— Тише вы там!

Прикрикнул он, и они, услышав человеческий голос, затихли.

Фимка убежала и осуждающе лаяла из-за сугроба.

Напрасно провозившись с замком, Тим стал отрывать железную скобу, поддев её монтировкой, которую нашел в дежурке, — придавил — и скоба выскочила из деревянной обшивки.

Теперь оставалось рвануть дверь на себя — и звери будут свободны.

У него мелькнула еще мысль: «А что будет, если они бросятся на меня?»

Но это была очень слабая мысль. Страх у него не было.

Он наклонился над парапетом, дернул дверь на себя и отскочил.

Ветер рванул, с грохотом ударил дверь о стенку, и сразу же из темноты выглянули два медвежонок, они были подростки, но еще не достигли размера взрослых медведей.

Сперва один опустил лапы на снег, но не стал выбираться наружу, тогда другой подтолкнул его носом, и они оба соскочили в загон перед барьером.

Первый несколько раз весло подпрыгнул, поднялся на задние лапы, постоял, вновь подпрыгнул, затем упал на снег, кувыркнулся раз, другой, — остановился, и стал принюхиваться к ветру.

Второй настороженно озирался по сторонам.

— Ну, чего стоите, ну, дуйте в лес, на свободу! — крикнул им Тим, выглядывая из-за дежурки.

Фимка отчаянно лаяла, спрятавшись за углом здания театра.

Теперь метель лютовала, ветер бросал в лицо пригоршни колкого снега со льдом.

Покрутившись между фургоном и барьером, медвежата стали испуганно жаться друг к другу, а потом вдруг вновь забрались в фургон, с опаской выглядывая оттуда.

— Вот дурилы! Там же лес, свобода! — махнул Тим в сторону леса за рекой.

Но его никто и слушать не хотел, дверь фургона мотнулась, под напором ветра, и, лязгнув замком о железную скобу, захлопнулась.

— А, как хотите! — бросил он в сердцах и пошел прочь, сгибаясь под ветром.

Тим не знал, почему — но сердце его ликовало!

Он хотел через парк выйти к дому, но вскоре сбился с пути.

Теперь было не разобрать, где небо, а где земля, смешалось все в тугой, обжигающей снежной пелене.

На миг ему показалось, что сквозь метель на него вновь смотрит снежная королева, но он стряхнул наваждение и побрел дальше, не разбирая дороги.

Несколько раз он поскользнулся и упал в сугроб.

Вдалеке мерцали огни, и он подумал, что это были огни высоток, на набережной, и он пошел на эти огни, но когда понял, что огни не приближаются, страх впервые коснулся его сердца.

Где-то вдалеке лаяла Фимка, и он улыбнулся, подумав, что она наверняка ищет его, идет по следу, и от этого ему стало теплее, хотя ледяной ветер продувал насквозь, и теперь под ногами почти везде был черный лед, с которого ветер сдувал снег.

Он вдруг понял, что давно уже идет по реке, и на мгновение остановился.

Постояв недолго и переведя дыхание, он повернул и пошел, как ему показалось, в правильном направлении, туда, где сквозь метель мигали огни города.

Неожиданно правая нога его скользнула, раздался треск, и он провалился под лед, едва успев всплеснуть руками. Дыхание перехватило от холода, а главное, что лед по краям полыньи обламывался, он хватался за край, а лед обламывался.

Он попытался вырваться из полыньи, оттолкнувшись от воды, но сапоги теперь были, как гири, несколько раз он рванулся вверх, но сильное течение разворачивало его и затягивало под лед.

Мысли его делали дикие скачки, и рвались прочь, как зверь, попавший лапой в капкан: лицо мамы, отец перед картиной с мадонной и младенцем, Вера, Куницын, который барахтается у задника сцены, книги, которые он начинал читать и так и не дочитал, бросив на половине, вновь лицо мамы...

И тогда он разлепил примерзшие губы и стал кричать, он стал кричать не «Помогите!», не «спасите», и даже не «мама».

Изловчившись, он приподнялся над черной водой и изо всех сил крикнул: «Вера! Вера!!!» И потом еще, и еще раз...

И ему вдруг стало легче, удалось скинуть сапог...

Он еще раз рванулся и привалился грудью на скользкий, крошащийся край полыньи.

— Вера!!! — закричал он, и слезы градом брызнули у него из глаз, и именно в этот момент послышался совсем рядом лай Фимки и возглас Веры: «Хватайся!» — кинула она ему шарф.

Он поднял взгляд, и увидел лицо девочки, охваченное метелью, и стал помогать себе локтями, сбросив второй сапог с ноги.

А потом он лежал на льду и рыдал, а Вера трясла его за плечи, гладила по щекам, и все повторяла: «Я тебя везде искала. Я же тебя везде искала!»

— Идем, идем! — помогла она ему подняться, и они сначала пошли, а потом побежали сквозь метель к берегу, ступни горели, раз...раз... накатывали волны снежного ветра, раз...раз... вспыхивали яркие огни вдалеке... а на небе разгоралось сияние.

Зимние каникулы пролетели, как одно мгновение.

Но если другие развлекались, то Тим провалялся все дни дома с высокой температурой.

Часто приходила Вера, и бабушка, которая стала вдруг богомольная, все время крестила ее фотографию, которая стояла у нее на подзеркальном столике.

Где она раздобыла фото, Тим мог только догадываться.

Несколько раз приходил отец и все больше молчал, а однажды долго держал его за руку и сказал: «Прости меня».

— За что? — вскинулся удивленно Тим.

Но отец не ответил и ушел.

За последнее время отец изменился: похудел, осунулся, только глаза еще ярче лучились.

Теперь они еще больше стали похожи друг на друга, и мама отчего-то тихо плакала у себя в комнате, а бабушка через дверь успокаивала ее.

— Я тебя нарисую, — сказал однажды отец, — у тебя хорошее лицо, как у твоих предков, — да, обязательно нарисую, — задумчиво повторил он и ушел.

А потом долго не появлялся, мама даже ездила к нему, в мастерскую, чего сроду не бывало.

После катастрофы в театре из города уехал Семен Борисович, отказавшись от места главного режиссера, но зато он увез с собой иной приз, — Нина Ивановна согласилась выйти за него замуж.

Удивительно, но перед отъездом режиссер нашел время позвонить Тимофею.

— Слушай, приезжай летом в Питер, есть идея, пока не буду болтать, приезжай, ты мне очень, очень понравился, молодец! Это ж надо додуматься до такого! Молодец! Выпустил джинна, освободил! Приезжай, и Нина будет рада. Она не в обиде, тем более, — при этом он понизил голос, — тем более, что она сама после шоковой терапии, — хихикнул он, — сразу пала в мои объятия, — ха!

Тим согласился, хотя знал, что не поедет, у него и не выходила из головы картинка, когда Семен Борисович прыгал, как шимпанзе на сцене, и еще ему неприятно было вспоминать странную улыбку, с которой режиссёр похлопывал его по руке, когда откровенничал.

В школе всё постарались замять и спустить на тормозах. Всюду царила суета и необычная предвыборная атмосфера. Директора, Илью Семеновича, как это принято говорить, наконец заметили и выдвинули на повышение в гороно.

«Череп», и прежде бодрячок, теперь совсем возгордился, ходил по школе, надменно выпятив подбородок, и говорил со всеми покровительственно-небрежно.

В борьбе за директорское кресло сцепились Карла и завуч, Вера Николаевна, но, судя по всему, побеждала Карла.

Видимо, ей зачлось, что она вовремя сумела вылезти из оркестровой ямы в тот памятный предновогодний вечер.

Она только слегка пожурела Тима, когда он пришел на занятия.

— А ты, Тимофей, проказник, — улыбнулась она приветливо в ответ на его «здрасьте», — так нас всех напугал, но мы рады, что ты вновь с нами, правда Юра? — обратилась она к Куницыну без прежнего подобострастия.

— Угу, — отозвался тот угрюмо и уставился в планшетник, отыскивая там свое будущее.

Тим уселся за парту, а когда Глобова, округлив глаза, прошептала: «Как ты?» — равнодушно пожал плечами.

— Все в порядке, — обронил он, и стал смотреть, как ветер трепал промерзшие ветви тополя, прислушиваясь вполуха к теории пределов, которые излагала Карла со сладкой улыбкой на лице.

«Пределы, пределы, а есть ли эти пределы?» — вертелось у него в голове.

Он перевел взгляд на прямую, напряженную спину Виты, которая даже не взглянула на него, когда он вошел, и ничего не почувствовал, и тогда он оглянулся, — но Веры на месте не было.

Теперь он думал все время только о ней.

Что-то необычное поселилось у него внутри и стало жить там, набирая силу; сначала оно было маленькое, пушистое, легкое, как перышко, и щекотало и приносило радость.

Когда они гуляли с Верой по городу, или сидели на берегу реки, взявшись за руки, оно жило в нем, свернувшись пушистым калачиком, и улыбалось ему загадочной улыбкой соболя.

Это была прелесть и ласка, — мягкая, шелковистая ласка, и теперь хорошие дни, когда они виделись, сменились бессонными черными ночами, когда он лежал с открытыми глазами и не мог не думать о ней, и спрашивал все себя: «Что же это такое, что же это такое?» Но не находил ответа. И все

лежал и смотрел в потолок, прислушиваясь к тому, как тихо шуршит в клетке Гоша, перебирает лапками на жердочке, или скребет клювом о деревянный пол клетки.

А потом пришла весна.

Еще в апреле на улицах лежал ноздреватый снег, дворники в оранжевых накидках долбили лед целыми днями, но лед въелся в землю, и люди смирились, полагая, что теперь так будет всегда.

Но однажды подул с дальних южных морей ветер, и за несколько дней снег растаял, а потом растаял и лед, остались только кое-где грязные разводы на газонах, но вскоре солнце их растопило, давая дорогу новой жизни.

Весна в том году была ранняя, уже в мае они ходили на пляж и загорали, а иногда даже купались.

Отцветала сирень, и свежий ветер через открытое окно задувал пряный сладостный запах.

Но вскоре весны уже не было.

И был рассвет, и они сидели на берегу, взявшись за руки, и река плескалась в своих берегах, обдавая их блеском и шумом.

В голове у него все время играла странная музыка, когда он смотрел на Веру, а потом она вдруг прильнула к нему идохнула слова, от которых у него зашлось сердце, и он поцеловал ее, прижимая к себе. Вера пахла цветами...

А потом они лежали под вербами с клейкими стрельчатыми листочками, глядя, как над ними порхали изумрудно-золотистые блики и бабочки, и ветер тихо перебирал ветви, и шептал о чем-то далеком, и тишина, — теплая, огромная, добрая тишина качала их в своей колыбели.

Вера тихо перебирала его волосы, а он смотрел на небо сквозь ресницы и призрачный занавес листвы, и ничего не говорил, у него в голове не было ни

одной мысли, сейчас он был далеко; солнце пускало зайчики по ее лицу, и он следил за их волшебной игрой.

— Провожать придешь? — спросила она, поправляя волосы.

Он отвернулся.

— А как папа?

Он молчал.

И тогда она приобняла его и положила голову ему на плечо.

— Завещал мне картины. Дядя Леня торчит у нас дома целыми днями, целует мамины руки, а она его гонит, и, закрывшись у себя, плачет. А что я могу?!

Голос у него дрогнул, и Вера прижалась к нему сильнее.

— Я ничего не могу, понимаешь? Врачи говорят, что раньше надо было, а теперь поздно. А я ничего не могу сделать... Я так им и сказал, что все картины раздам, пусть так и знают, я так и сказал, понимаешь?! Пусть знают.

— Успокойся, пожалуйста, успокойся... Все будет хорошо, все будет хорошо.

Гладила она его по голове.

— Звонить будешь?

Повернулся он к ней.

— Да, конечно.

— А когда мы встретимся? Когда ты приедешь?

— Не знаю, на следующий год, наверное...

Сквозь прозрачный шатер листвы пробивалось солнце, от воды поднимался пар, пар клубился между деревьями, но солнечный свет все прибывал, прибывал, и стволы деревьев окрашивались золотом и охрой, а солнечные лучи отражались от зеркала реки так ярко, что нужно было зажмуриться, — и тогда они могли слышать тихую музыку солнца.

На следующий день Вера уехала с родителями в Нальчик, отца её перевели на новое место службы.

Тим стоял на другом конце перрона и смотрел, как они садились в вагон, и, не дождавшись, когда поезд тронется, ушел.

Вернувшись домой, он закрылся в комнате, отворил окно, и, запустив горячий ветер с улицы, уснул, и, с перерывами, проспал сутки, никого не пуская к себе.

Несколько дней он ни с кем не разговаривал и писал стихи, потому что пушистый, ласковый зверек, который жил в нем, теперь полностью овладел им, и странная тоска не давала покоя, и струилась на белые листы неожиданными словами...

«Тишина и холод. Темнота и покой...Помогите осмыслить, что случилось со мной. Шепчут ласково звезды и мерцают вдали. Что-то трепетно, нежно вдруг забилося в груди. Незаметно подкралось, незаметно пришло, И навеки осталось грустью в сердце моем».

Стихи приходили неожиданно и складывались мгновенно, стихов было много, и он никогда не исправлял их, потому что все равно стихи были только подобие, и не могли утолить голод сердца, унять томление, которое не отпускало, — и он все бродил по городу, по берегу реки, ища Веру, но нигде не находил.

В июле произошло несколько примечательных событий: Виталина уехала с родителями в Москву, выезжали они с таким же апломбом и шумом, как и вселялись, но Тим был в спортивном лагере и не видел этого.

Карла стала директором школы, и, счастливая, раздавала всем приветы, и еще они уступили-таки строительной компании и продали дом.

Однажды в конце августа Тимофей и Глобова встретились в парке, на набережной. Прогуливаясь вдоль парапета, они болтали о всякой всячине, а потом сели на лавочку, и Светка, повернувшись, вдруг сказала смущенно: «Прости меня, пожалуйста».

— За что? — удивился он.

— Я так злилась на тебя зимой, ревновала...

— Ты? Да ладно, шутишь... папа будет тот парень с серьгой, наверное?

— спросил он, кивнув на ее округлый живот, и вновь стал смотреть, как дробилась вода на плесах.

— Угу, — обронила она тихо, разглядывая свои большие руки, которые мирно лежали на животе.

Мимо них прошагала необычная парочка: женщина вела за руку мальчугана лет пяти, который семенил по бордюру рядом с ней, а потом стал прыгать на одной ноге, пока не сорвался.

Мальчик все время дергал женщину за руку и о чем-то просил её, а она ему улыбалась.

— Тим, ты где? — позвала его Светка.

Но он не ответил, думая о своем.

«Вот, эта река течет здесь, наверное, сотни лет. Река текла здесь до нас, и будет после нас. Она течет через нас, и останется здесь во веки, но мы ведь тоже останемся, разве не так?»

И он вдруг почувствовал, как река течет сквозь него, и он течет в ней... И он подумал о том, что всегда любил воду, дождь, цветение. Наверное, у всех у них на донышке плещется тихий родник, волнуется, перекатывается, бежит по блестящим камешкам, наверное, потому, что все они от воды... текут, струятся, как реки...

«Ты успокойся, ты не волнуйся, все будет хорошо, все будет хорошо, и мы обязательно встретимся», — говорила она, гладя его по голове.

...ее руки были прохладными и ласковыми, ласковыми как сны, как шершавые язычки щенков, с которыми он возился в деревянной горке у Фимки...

Неожиданно он поднялся.

— Ты куда? — удивилась Глобова.

— Зайду в мастерскую. Отец просил перевезти на квартиру натурщицу, поближе к нам.

— А-а, понятно, — протянула она, — ну, пока... позвонишь?!

— Да, конечно, — кивнул он, точно зная, что не позвонит.

Вечернее солнце золотило верхушки кленов, день был жаркий и душный. Ливень, который прошел недавно, свежести не принес, с реки дул горячий ветер, и вновь парило.

Чтобы сократить путь, Тимофей пошел напрямик через газон. На траве, на георгинах и астрах еще сверкали дождевые капли.

Сам не зная почему, весь день он ощущал необъяснимый подъем и воодушевление.

То, что долго томило его после отъезда Веры, стало отпускать. И теперь какая-то новая невидимая сила наполняла его своим током, и он чувствовал, как энергия плескалась в нем, чувствовал, как легко двигалось тело, как приятно было ступать по росистой траве, вдыхая речные запахи.

Несколько минут спустя, когда он проходил мимо дома, в котором они жили совсем недавно, и который теперь разбивал кран с огромной гирей на конце стрелы, непрошенная волна жалости подкатила к горлу, перехватило дыхание, в носу зашипало, но он справился с собой, только вздохнул и выдохнул резко, и все.

Он постоял немного, наблюдая, как рабочие у колодца весело балагурили, запивая бутерброды водой прямо из ведра, — и торопливо

зашагал прочь, на мгновение только замешкался у подъезда, в котором жила Вера, и сердце у него бухнуло, но только раз.

В беседке подростки играли в карты, малышня с визгом гоняла по двору, на месте автомобильной стоянки зиял свежий котлован...

Фимки нигде не было. И он с надеждой подумал, что ей удалось где-то пристроиться. И еще ему казалось, что кто-то следит за ним. Он видел за окнами, которые сияли ало в лучах заходящего августовского солнца, их тени.

И он заторопился со двора. Но даже, когда свернул за угол высотки, в которой жили девочки, чужие взгляды преследовали его неотступно, хотя теперь ему было все равно, потому что в нем рождалось совсем новое чувство, которого он не испытывал ни весной, ни в начале лета... В какой-то момент ему еще почудился лай Фимки, и он остановился, и долго стоял, вглядываясь в даль сужающейся дороги, в сиреневых сумерках. Но Фимки видно не было, и тогда он быстро пошел вперед, вдыхая свежий воздух полной грудью.

Весь следующий день, — и тогда, когда он помогал натурщице Инне с малышом переехать из мастерской на квартиру, и тогда, когда привез бабушке в подарок картину отца, на которой были изображены мадонна с младенцем, и когда прогуливался на новом месте, привыкая к шуму города, он чувствовал, как губы его складывались в произвольную улыбку, новое чувство наполнило его свечением и какой-то непонятной радостью.

Это чувство длилось в нем весь день и весь вечер, оно жило в нем еще неделю, и еще месяц... оно длилось и тогда, когда они шли на байдарках клином на тренировке, паря над прохладной пенистой водой реки, сидя на волне друг у друга, и тогда, когда по вечерам он бежал по лесной тропинке — ноги по щиколотку забрызганы росой, — захваченный шумом, шелестом, и сумрачным дыханием леса, бежал босиком, по песчаной дорожке, между высоченными, разлапистыми кленами и тополями, бежал, перепрыгивая через

радостно журчащие ручейки, сбегаящие по узким канавкам к реке, сияющей оловом сквозь листву.

Слышался мерный тихий шепот реки, дыхание сливалось с ветром, и это чувство наполнило его, как и прежде, оно несло его на своих крыльях и днем, когда он находился в толпе, и ночью, когда оставался один, наедине со своими мыслями.

Это чувство длилось в нем и потом, когда он пошел в одиннадцатый класс, оно длилось еще несколько месяцев, но возникало все реже и реже... только иногда ему удавалось вернуть на мгновение его, вернуть, как спасительный взгляд девочки в слепящей метели, как тихую музыку солнца над рекой на рассвете, но чувство было настолько мимолетно, что даже не хватало времени, чтобы поверить в него.

